

ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ **НИЛА ГЕЙМАНА**
The Guardian о трилогии В. Шваб «Оттенки магии»

БЛИЖНЯЯ ВЕДЬМА

ВИКТОРИЯ ШВАБ

Миры Виктории Шваб

Виктория Шваб
Ближняя Ведьма

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шваб В.

Ближняя Ведьма / В. Шваб — «Издательство АСТ»,
2019 — (Миры Виктории Шваб)

ISBN 978-5-17-114838-6

Однажды у дома Лекси на пустоши появляется неизвестный молодой человек. А следующей ночью в деревне начинают пропадать дети, и загадочный незнакомец становится первым подозреваемым. Все силы брошены на поиски детей, а Лекси с таким же упорством ищет правду о Ведьме, о ветре, который каждую ночь говорит с ней сквозь стены, и о безымянном юноше, который пришел в ее деревню. Загадка, история любви, песня ветра – все это в дебютном романе Виктории Шваб, которая получила мировую известность благодаря трилогии «Оттенки магии» и серии романов о Кэссиди Блейк («Город призраков», «Туннель из костей» и др.). «Мальчик, рожденный из пепла» – повесть, также вошедшая в эту книгу. Это приквел к истории о Ближней Ведьме.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-114838-6

© Шваб В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

От автора	6
Ближняя Ведьма	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виктория Шваб

Ближняя Ведьма

Victoria Schwab
The Nearwitch
The Ash-Born Boy

© 2011, 2019 V. E. Schwab
© Е. Мигунова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Маме и папе – спасибо, что ни разу не усомнились.

От автора

Рассказать историю хотят многие.

Скажи в любой компании: «Я пишу книги», и не меньше половины тут же сообщат, что тоже собираются при случае написать книжечку. При случае, когда выдастся свободное время. Когда-нибудь, надо только сосредоточиться. Некоторые даже начинали, но мало кто продвинулся дальше первой главы, а уж тем более третьей или пятой.

Я их не осуждаю (ведь читателей должно быть намного больше, чем писателей). Просто хочу сказать, что не так это просто – написать книгу. А уж если кому-то захочется, чтобы его книгу кто-то прочитал, тогда слово «КОНЕЦ» для этого автора станет только началом. Потому что если он решит издать книгу традиционным способом, ему предстоит найти агента и издателя. Затем начнутся правки, редактирование (хорошо, если по одному кругу, а часто и по пять-шесть раз), чтобы привести текст в порядок, сделать его приемлемым для читательской аудитории, заслужить место на полке в книжном магазине, а там, глядишь, и у читателя дома.

Вот сколько препятствий отделяет первый всплеск фантазии автора до настоящей книги. Так что далеко не всем историям удастся добраться до книжной полки.

И уж совсем редко какой-нибудь истории доводится проделать этот путь *дважды*.

Но «Ближней Ведьме» выпала именно такая счастливая судьба.

Это книга, с которой для меня всё началось. Нет, это не первая книга, которую я *написала*. Сомнительная честь быть первой принадлежит бессвязной, бредовой истории, которую я выдумала, когда мне было девятнадцать лет. Я просто хотела проверить, способна ли вообще придумать сюжет больше чем на дюжину страниц и худо-бедно привинтить к нему слово «КОНЕЦ».

Но «Ближняя Ведьма» – первая моя книга, пробившаяся на полки, к читателям.

Для тех, кто не знает, – это книга о магии.

А еще это книга о страхе.

В том числе о страхе выбраться, выйти наружу, о противостоянии между теми, кто входит в круг, и теми, кто в него не входит. Тогда я еще не знала, что эта тема станет такой важной, даже центральной в моих книгах. Что все мои повести, от «Темного оттенка магии» до «Зла», «Архива» и «Этой свирепой песни», будут о тех, кто в своем мире чувствует себя потерянным. Или о тех, кто нашел себя в чужом. Но тогда мне был двадцать один год, я училась в университете и, выкроив время, по вечерам писала в кафе. Вчерашняя школьница, девчонка, не видевшая ничего, кроме учебы, я чувствовала себя именно так – застрявшей между двумя главами своей жизни, не принадлежавшей ни прошлому, ни будущему.

Вот таким был мир, в котором появилась на свет эта книга.

Она началась с шороха, потрескивания и вспышки.

Это первые слова книги, но ими же можно описать и мою писательскую историю. «Ближняя Ведьма» была маленькой повестью, негромкой и необычной. А в те времена, наоборот, успехом пользовалось и хорошо продавалось все шумное и хотя бы смутно знакомое. И, как я ни пыталась защитить слабый огонек ее жизни, его как ветром, задуло после публикации. Иначе и быть не могло.

Но к счастью, мой огонек оказался сильнее. Я продолжала писать, публиковаться, продолжала раздувать костер, и он разгорался все жарче, пока не окреп настолько, что бури, которые случаются в этой прекрасной, но переменчивой области, стали поддерживать огонь, а не гасить его.

За следующие семь лет я написала *четырнадцать* повестей. С каждой новой книгой количество читателей росло, мои истории нашли свою аудиторию. Круг расширился, и наступил момент, когда люди стали проявлять интерес к той, первой истории.

К искре, от которой разгорелся костер.

Радостно и грустно снова встретиться со своей историей, увидеть, что спустя столько времени она все еще нужна. Но я с ней не прощалась и упрямо надеялась, что рано или поздно она найдет дорогу к читателям. Как будто все это время я прикрывала ладонью спичку, хотя огонек и погас.

И вот, пожалуйста!

Мы вернулись назад – к самому началу.

Ближняя Ведьма

Глава 1

Все начинается с шороха, потрескивания и вспышки. Спичка шипит и оживает.

– Ну пожалуйста! – раздаётся у меня за спиной тихий умоляющий голосок.

– Уже поздно, Рен, – говорю я. Огонь медленно поглощает спичку, которую я по очереди подношу к трем свечам, стоящим на сундуке у окна. – Пора в постель.

Свечи зажжены, я взмахиваю спичкой, и огонек гаснет. На фоне темного стекла вьется дымок.

Ночью все кажется другим. Более определенным. За окном мир полон теней, они жмутся друг к другу, рельефные, резкие. Почему-то ночью они очерчены резче, чем днем.

Звуки ночью тоже звучат резче. Свист. Треск. Детский шепот.

– Ну еще хоть одну, – упрашивает Рен, прижимая к груди одеяло. Со вздохом отворачиваюсь от сестренки и глажу пальцами корешки книг, лежащих рядом со свечами. Кажется, я готова сдаться.

– Она была очень старой и очень юной – смотря как повернет голову. Ведь настоящего возраста ведьмы никто не знает. Ручьи вересковых пустошей были ее кровью, а трава пустошей – кожей, а улыбка у нее была ласковая и в то же время лукавая, как месяц в черной-черной ночи...

К концу рассказа Рен – тихо сопящий клубочек под одеялом, – привалившись ко мне, погружается в глубокий сон. Три свечи на сундуке еще горят, клонятся друг к другу, на дерево капает воск.

Рен боится темноты. Раньше я на всю ночь оставляла у ее постели горящую свечу, но сестренка засыпает быстро, а если и проснется, то с закрытыми глазами пробирается в комнату матери и не сбивается с пути. Так что теперь я сижу с ней рядом, пока не заснет, а потом задуваю свечи. Ни к чему попусту их тратить, да и опасно, можно дом спалить. Я тихо выбираюсь из кровати, опускаю босые ноги на старый деревянный пол.

Потянувшись к свечам, задерживаюсь взглядом на лужицах воска. На них следы пальчиков – Рен обожает рисовать, стоя на цыпочках, пока воск еще теплый. Я рассеянно касаюсь воска, и вдруг краем глаза что-то замечаю за окном, какое-то мимолетное движение. Но там ничего нет. Только ночь, темная, хотя кое-где ее пронизывают нити серебристого света, а ветер дышит в окно и тихо гудит. Старая оконная рама дрожит и стонет.

Мои пальцы поднимаются от воскового озера к подоконнику, и я чувствую ветер за стенами дома. Он крепчает, набирает силу.

Когда я была маленькой, ветер пел мне колыбельные. То смущенно, запинаясь, то пронзительно и резко, заполняя мир вокруг меня – и даже когда вокруг, казалось бы, царили спокойствие и тишина, на самом деле все было иначе. Вот так я и росла, вместе с ветром.

Но сегодня ночью все по-другому. Словно в музыку ниточкой вплетается новый звук, более тихий и печальный, чем прежние. Наш дом стоит на северной окраине деревни Ближней, и за дребезжащим оконным стеклом раскинулась вересковая пустошь, словно кто-то развернул отрез ткани: холмы, холмы, поросшие бурьяном, усеянные камнями, да кое-где ручей. Конца края не видно холмам, и весь мир кажется черно-белым, резким и застывшим. Среди камней и сорной травы торчат несколько чахлах деревьев, но и они странно неподвижны, даже при таком ветре. Но, могу поклясться, я видела...

И снова за окном что-то мелькнуло.

На это раз я настороже и успеваю увидеть. На краю нашего двора, на невидимой линии, отделяющей деревню от пустоши, шевельнулась какая-то тень. Она делает шаг вперед, и на нее падает лунный свет.

Щурясь, я прижимаю ладони к холодному стеклу. Эта тень – человеческая, но фигура как будто едва намечена, и ветер треплет ее, пытаясь разорвать в клочья. Лунный свет падает на переднюю часть фигуры, освещает ткань и кожу, обрисовывает шею, челюсть, скулу.

В Ближней нет знакомцев. Каждое лицо здесь я видела тысячи раз. Но только не это.

Человек просто стоит, глядя куда-то в сторону. И все же с ним *что-то* не так. Есть какая-то странность в том, как холодная сине-белая луна освещает его лицо, – мне кажется, что, ткни я в него пальцем, палец пройдет насквозь. Очертания фигуры нечеткие, она расплывается, тает в ночи, как будто движется слишком быстро. Но дело, наверное, в неровном стекле, потому что на самом деле человек *не движется*. Просто стоит на месте, глядя перед собой.

Свечи мерцают у меня за спиной, а на пустоши снова ветер, и кажется, что фигура незнакомца покрывается рябью, бледнеет. Я снова бросаюсь к окну, прижимаю нос к стеклу, нащупываю задвижку, чтобы распахнуть створку, заговорить, окликнуть. Он оглядывается и смотрит на дом и на окно. На меня.

Взгляд незнакомца натывается на меня, и я замираю. Глаза у него темные, как речные камни, и при этом сияют, вобрав в себя лунный свет. Они чуть заметно расширяются, встретившись с моими. Долгий, немигающий, пристальный взгляд. А потом в один миг незнакомец то ли рассыпается, то ли его уносит порывом ветра, и ставни хлопают, закрыв окно.

От стука просыпается Рен, выбирается, что-то бормоча, из-под одеяла и бредет через всю комнату, освещенную луной. Она даже не замечает, что я до сих пор стою у окна, глядя на ставни, так резко отгородившие меня от незнакомца и пустоши. Я слышу, как сестренка шлепает по полу. Вот она открывает дверь в мамину спальню, заходит внутрь. В комнате становится совсем тихо. Я открываю окно (рама протестующе скрипит) и вновь распахиваю ставни.

Незнакомец исчез.

Мне отчего-то кажется, что в воздухе на том месте, где он стоял, должен остаться след. Но никаких следов нет. Сколько я ни таращусь, передо мной ничего – только деревья, камни, да круглые холмы.

Я всматриваюсь в пустынный пейзаж и уже сама не верю, что видела незнакомца. Что вообще кого-то видела. В конце концов, мы ведь в Ближней, где не бывает знакомцев. Никто здесь не появлялся уже давным-давно, еще до моего рождения, до того, как был построен этот дом, еще до Совета... И тот, кого я видела, даже не был похож на настоящего человека. Я тру глаза и понимаю, что долго стою, набрав в грудь воздуха, и не дышу.

И я выдыхаю, заодно задувая свечи.

Глава 2

– Лекси.

Свет подкрадывается, вползает под одеяло. Я натягиваю одеяло на голову, пытаюсь вернуть темноту, и понимаю, что думаю о вчерашней ночи и о фигуре в лунном свете.

– Лекси, – снова звучит мамин голос, проникая в кокон из одеяла. Он пробирается ко мне вместе с утренним светом. Ночное воспоминание тускнеет и блекнет.

Из своего гнезда я слышу шажки по половицам... Потом наступает тишина... Я лежу, затаившись, и жду – и тут на кровать с размаху плюхается маленькое тельце. Пальчики копошатся в одеяле, пытаюсь найти лазейку.

– Лекси! – это другой голос, похожий на мамин, но тоненький. – А ну-ка вставай! – Я продолжаю притворяться спящей. – Лекси?

Раскинув руки, я обхватываю сестру, обнимаю, накрыв одеялом.

– Попалась! – кричу я. Рен восторженно визжит. Вертась и извиваясь, она выбирается из ловушки, и я отбрасываю одеяло. Темные волосы закрывают мне лицо. Непокорные завитки рассыпаются во все стороны, сквозь них я вижу сидящую на кровати и хохочущую Рен. Она и впрямь щебечет, как птичка¹. У нее волосы светлые и прямые. Они всегда ровно лежат по сторонам ее лица, спадают на плечи. Я перебираю их пальцами, стараюсь разлохматить, но Рен со смехом встряхивает головой, и волосы ложатся на место, снова безупречные и гладкие.

Это наши утренние ритуалы.

Соскочив с кровати, Рен несется на кухню. Я роюсь в сундуке с одеждой, время от времени поглядывая в окно, на утро за стеклом. Пустошь с лохматой, всклокоченной травой и лежащими там и сям валунами выглядит мягкой и безмятежной при свете дня. В это пасмурное утро передо мной совсем другой мир. Я невольно сомневаюсь – может, все, что я видела вчера, было просто сном? Может, *он* мне приснился?

Я касаюсь пальцами стекла, чтобы узнать, тепло ли на улице. Сейчас самый конец лета, короткое время, когда дни могут быть или приятными, теплыми, или бодряще-прохладными. Стекло холодное, и вокруг пальцев образуются небольшие запотевшие кружки. Я убираю руку.

Потом как могу распутываю волосы и собираю их в косу.

– Лекси! – снова зовет мама. Наверное, хлеб готов.

Я надеваю простое длинное платье, туго затягиваю пояс. Что угодно отдала бы за брюки. Я уверена, что отец влюбился бы в маму, если бы она носила бриджи и охотничью шляпу, даже после того, как ей исполнилось шестнадцать. Шестнадцать лет, возраст замужества. Мой возраст. Я грустно усмехаюсь, глядя на пару туфельек. Они бледно-зеленые, на тонкой подошве – никакого сравнения со старыми, добротными кожаными башмаками отца.

Гляжу на свои босые ноги, которые привыкли ходить по вересковым пустошам. Много миль уже пройдено, и пустоши оставили на моих ногах отметины. Но я предпочла бы остаться здесь и разносить матушкин хлеб по деревне. Уж лучше состариться здесь и стать скрюченной каргой, как Магда и Дреска Торн, чем наряжаться в юбочки и туфельки, чтобы выскочить замуж за деревенского парня. Вздыхнув, я сую ноги в туфли.

Я уже одета, но не могу избавиться от чувства, будто что-то забыла. Поворачиваюсь к маленькому деревянному столику возле моей кровати – и ахаю, увидев нож отца, на темном кожаном ремешке, с рукоятью, истертой отцовской рукой. Я люблю братья за нее, сжимать пальцами там, где сжимал ее он. Это почти как поддержать его за руку. Раньше я носила нож постоянно, пока неодобрительные взгляды дяди Отто не стали слишком уж тяжелыми, но даже и сейчас я иногда беру его с собой. Сегодня я расхрабрилась: пальцы сами тянутся к ножу,

¹ Рен (англ. Wren) – крапивник, мелкая птица семейства воробьиных. Здесь и далее прим. переводчика.

ощущать его вес приятно, и на сердце становится легче. Я подпоясываюсь ремешком, как поясом. Лезвие в ножнах на поясе – теперь я снова чувствую себя в безопасности. Одетой.

– Лекси, зайди! – зовет мама. Что за спешка, недоумеваю я, все равно утренний хлеб остынет раньше, чем попадет к покупателям. Но тут из-за стены слышится второй голос – тихий, напряженный, он сплетается с более высоким голосом матери. Отто. На кухне меня встречает запах слегка подгоревшего хлеба.

– Доброе утро, – здороваюсь я. На меня устремлены две пары глаз – одни светлые и усталые, немигающие. Другие – темные и хмурые. Дядины глаза так похожи на глаза моего отца – такие же карие, в обрамлении темных ресниц, но у отца они были живые, словно танцевали, а у Отто почти неподвижные, прячутся в морщинах, как за решеткой. Он наклоняется над своим кофе, закрывая чашку широкими плечами.

Подойдя к матери, я целую ее в щеку.

– И полгода не прошло, – буркает дядя.

В кухне появляется Рен и, пробежав мимо меня, бросается к дяде, обхватывает его ручонками. Немного смягчившись, он легонько треплет ее по волосам, и Рен убегает, только платьице мелькает в дверях. Отто снова переключает внимание на меня, будто ждет ответа, объяснения.

– Что за спешка? – спрашиваю я, а мамины глаза скользят по моей талии, по кожаному ремню у меня на платье, но она ничего не говорит, молча отворачивается к печи. Мамины ноги почти не касаются земли. Ее не назовешь красавицей или даже просто симпатичной (правда, я другого мнения, но для дочери мать всегда красива), зато походка у нее волшебная – она просто летает.

У нас с ней тоже есть утренние ритуалы. Мамин поцелуй. Появление Отто на кухне, настолько частое, что можно подумать, будто он оставил здесь свою тень. Его серьезные глаза – он стремительно оглядывает меня, споткнувшись взглядом об отцовский нож.

– Ты сегодня рано, Отто, – я беру ломоть теплого хлеба и кружку.

– Надо бы пораньше, – отвечает дядя. – Вся деревня бурлит, обсуждают происшествие.

– А что стряслось-то? – спрашиваю я, наливая воду из чайника.

Мама поворачивается к нам, руки у нее в муке.

– Нам надо в деревню.

– Там появился чужак, – бросает Отто, глядя в чашку. – Бродил прошлой ночью.

Чайник у меня в руках накрывается, и я едва не обливаюсь кипятком.

– Чужак? – переспрашиваю я, перехватывая чайник покрепче. Значит, мне не приснилось! Там и правда кто-то *был*.

– Я хочу знать, что он здесь делает, – добавляет дядя.

– Он все еще здесь? – я безуспешно стараюсь, чтобы в голосе не слышалось переполняющее меня любопытство. Делаю глоток чая и обжигаю нёбо. Коротко кивнув, Отто залпом допивает кофе. Я не успеваю удержаться, и с языка срываются вопросы.

– Откуда он появился? С ним кто-нибудь разговаривал? – выпаливаю я. – А где он сейчас?

– Довольно, Лекси, – слова Отто льдом врезаются в тепло кухни. – Это сплетни. Слишком много болтают. – Он меняется у меня на глазах, распрямляется, становится выше, превращается из моего дяди в Защитника Ближней, словно титул добавляет ему роста и веса. – Я и сам пока не знаю, кто этот незнакомец, откуда он и кто предложил ему кров, – продолжает он, – но намерен это выяснить.

Значит, кто-то предложил ему кров!.. Я прикусываю губу, чтобы скрыть улыбку. Могу поспорить, что знаю, кто прячет чужака. Но хочу узнать *почему*. Я глотаю обжигающий чай (хотя от такого кипятка болит все до самого желудка), лишь бы поскорее убежать. Я должна проверить, права ли я. А если права, хочу попасть туда раньше дяди. Отто отодвигается от стола.

– Иди, не жди меня. – Мне удастся изобразить невинную улыбку.

Отто отрывисто смеется.

– Нет, это вряд ли. Не сегодня.

У меня вытягивается лицо.

– Почему? – спрашиваю я.

Отто хмурит брови.

– Я знаю, что у тебя на уме, Лекси. Ты хочешь сама на него поохотиться. Я тебя насквозь вижу.

– Ну и что? Я – дочь своего отца.

Отто мрачно кивает.

– Это ясно как день. Иди, собирайся. Мы *все* пойдем в деревню.

Я поднимаю бровь.

– Разве я не готова?

Медленно Отто склоняется над столом. Его темные глаза сверлят меня, будто взглядом можно задавить, пригвоздить. Но дядин взгляд не так силен, как мой или мамин, и не может столько всего выразить. Я спокойно смотрю на Отто, дожидаясь последнего акта наших утренних ритуалов.

– Сними этот нож. Выглядишь, как дурочка.

Ничего не отвечая, я доедаю хлеб и оглядываюсь на маму.

– Я подожду вас во дворе.

Я выхожу, и кухню заполняет бас Отто.

– Ты плохо ее воспитываешь, Амелия, – грохочет он.

– Твой брат считал нужным учить ее своему ремеслу, – замечает мать, ловко упаковывая хлеб.

– Нет, Амелия, это не нужно и неправильно. Девушке, тем более ее возраста, не следует вести себя, как мальчишка. Не думай, что я не видел башмаки. Это ничем не лучше, чем бегать босиком. Она ходит в деревню на уроки? Елена Дрейк умеет шить, готовить и собирается... – Я так и вижу, что он запускает руку в свою темную шевелюру, потом проводит по лицу и бороде, словно умываясь. Он всегда так делает, когда волнуется. *Неправильно. Неприлично.*

Задумавшись, я перестаю прислушиваться, а во дворе откуда ни возьмись появляется Рен. Она и впрямь как птичка. То вспорхнет, то сядет. Хорошо еще, что она такая шумная, иначе ее внезапные появления пугали бы.

– А куда мы идем? – беззаботно щебечет она, обнимая меня.

– В деревню.

– Зачем? – Выпустив мое платье, она отодвигается, чтобы видеть мое лицо.

– Хотим тебя продать, – говорю я с серьезным видом. – А может, просто так отдадим.

Но не удерживаюсь и улыбаюсь.

Рен хмурится.

– А мне кажется, не за этим.

Я вздыхаю. Рен кажется такой беспечной, просто сгусток света и веселья, но ее не проведешь, как другого пятилетнего ребенка. Она поднимает голову, смотрит вверх, и я тоже оглядываюсь. На небе собираются тучи, плывут куда-то, как и каждый день. Странники – так их называл отец. Он говорил, что они отправляются в паломничество. Я высвобождаюсь из ручинок Рен и, отвернувшись, гляжу в другую сторону – на дом Отто и дальше, на холмы, на нашу деревню. Мне хочется поскорее оказаться там, проверить, верна ли моя догадка о незнакомце.

– Идем! – окликает нас дядя. Мама следует за ним по пятам. Отто снова пристально смотрит на мой нож, но только бурчит что-то себе под нос и выходит на дорогу. Я улыбаюсь, идя за ними.

* * *

Наша деревня имеет форму круга. Она не обнесена крепостной стеной, но все и так знают, где проходит граница. Между домами вьются каменные стены – невысокие, мне по пояс, они до половины заросли травой и бурьяном. Стены огибают теснящиеся между холмами и полями группки домов и, наконец, приводят вас в центр Ближней. Здесь дома стоят почти вплотную. Там, в центре, полно швей, плотников – тех, кому удобно работать бок о бок. Большинство обитателей деревни живут ближе к центру. Никто не горит желанием перебираться к пустошам. Только несколько домов, вроде нашего и дома сестер Торн, рассеяны по окраинам, на самой границе, где Ближняя переходит в пустошь. Говорят, на окраине селятся только охотники и ведьмы.

Вскоре показывается самая густонаселенная часть деревни. Дома теснятся друг к другу – каменные, отделанные деревом, под соломенными крышами. Те, что поновее – более светлые, а старые, изъеденные ветром, потемнели и обросли мхом и лишайником. Между ними, вокруг и вообще повсюду тянутся узкие, утопанные дорожки.

Я издали вижу, что в центре Ближней собралось много людей.

В таком маленьком местечке новости распространяются мгновенно.

Когда мы добираемся до площади, там уже собрались почти все жители, перешептываются, обмениваются слухами. Они собираются в центре, потом разбиваются на группы поменьше, еще меньше... Словно тучи в небе, только наоборот. Отто оставляет нас – он должен найти Бо и других своих людей, отдать им какие-то распоряжения. Мама видит других матерей и устало машет им рукой. Она выпускает руку Рен, и сестренка тут же устремляется к толпе.

– Присматривай за ней, – говорит мне мама, уже не глядя на нас, и плавно скользит к женщинам.

У меня совсем другие планы, но протест, не родившись, умирает на моих губах. Моя мать не просит. Ей достаточно просто взглянуть на меня. Этот взгляд говорит: *«У меня умер муж, а его брат слишком придирчив. У меня почти нет времени для себя. Так что, если не хочешь стать еще одной обузой для своей бедной матушки, будь послушной дочкой и присмотри за сестрой»*. Все в одном взгляде. В каком-то смысле маму можно назвать властной. Я киваю и бегу за Рен, ловя на лету обрывки разговоров, сплетен, которые вьются и кружатся вокруг.

Рен приводит меня к Отто и Бо, которые тихо о чем-то разговаривают. Бо худой и слегка прихрамывает, он намного моложе дяди. У него длинный нос, и, хотя каштановые кудри падают ему на лоб, по сторонам уже наметились залысины, и весь он кажется каким-то острым, угловатым.

– ...видел его возле своего дома, – говорит Бо. – Было не так уж поздно, не совсем стемнело, но уже смеркалось, так что сначала я глазам своим не поверил...

Рен упорхнула вперед, и Отто, покосившись на меня, коротко кивает в ее сторону. Я отхожу, отметив про себя, что Бо живет на западном краю Ближней, а значит, незнакомец, вероятно, обогнул деревню с той стороны. Нагоняя Рен, я прохожу мимо двух семейств из южной части деревни. Замедляю шаг, не спуская глаз с сестры.

– Нет, Джон, клянусь тебе, высоченный такой, прямо как дерево без листьев... – тараторит старуха, широко растопырив руки, как огородное чучело.

– Ты рехнулась, Берт! Я сам его видел – он старик, старый-престарый, даже дряхлый.

– Да он призрак.

– Ничего подобного, никакой не призрак! Он серединка на половинку – наполовину человек, наполовину ворона.

– Ха! Значит, призраки – это сказки, а такие полувороны бывают? Ты просто его не видел.

– Видел, клянусь!

– Он, должно быть, ведьмак, – включается в разговор женщина помоложе. Все на миг затихают, а потом Джон начинает махать руками с удвоенной силой.

– Нет, если он был такой полуптичьей тварью, так это добрый знак. Вороны – доброе предзнаменование.

– Вороны – это ужасное предзнаменование! Ты, видно, спятил, Джон. Знаю, я это говорила на той неделе, но тогда я ошибалась. На самом деле ты спятил вот сейчас!

И тут я понимаю, что потеряла из виду Рен.

Кручу головой во все стороны и вижу, наконец, пятнышко ее светлых волос, мелькающее среди других детей. Я спешу туда, нахожу сестру. Она на голову меньше других, но вопит так же громко, а носится вдвое быстрее. Ребята берутся за руки, затеяв какую-то игру. Девочка на год старше (Рен называет ее Сесилией), вся из острых локтей и коленок, в юбочке цвета вереска, хватает мою сестренку за руку. По скуластому лицу Сесилии, до самых рыжих кудряшек, кляксами рассыпаны веснушки. Я смотрю, как они с Рен машут руками, вперед-назад... и вдруг кто-то, всхлипнув, плюхается рядом в грязь.

Эдгар Дрейк, лохматый белобрысый мальчишка, сидит на земле, потирая ладони.

– Что с тобой? – Я опускаюсь рядом с ним на корточки и осматриваю ободранные руки. Прикусив губу, он кивает, стараясь не разреветься. Я счищаю грязь, стараясь как можно нежнее касаться ссадин. Он ровесник Рен, но она у нас девица небоющаяся, а Эдгар весь в царапинах и синяках, потому что постоянно падает. Его мать, белошвейка, только и делает, что латает то его одежду, то его самого. Эдгар печально смотрит на свои пальцы. Я улыбаюсь ему.

– Что в таких случаях делает Елена, чтобы тебе помочь?

Елена – моя лучшая подруга и старшая сестра Эдгара, и она пылинки сдувает с него.

– Целует, – шепчет он, продолжая кусать губы. Я делаю вид, что целую каждую ладошку. Интересно, если бы я так же нянчилась с Рен, какой бы она сейчас была? Может, такой же неженкой и недотрогой, хныкала бы от каждой царапинки? Не успеваю я подумать об этом, как раздается пронзительный смех – это Рен, хохочет и зовет нас.

– Эдгар, скорей! – кричит она, нетерпеливо переминаясь в ожидании начала игры. Я помогаю мальчику подняться, и он бросается к друзьям, чуть снова не упав по дороге. Неуклюжий парнишка. Он встает в круг рядом с Рен и хватается за ее правую руку, задев ее плечом.

Посмотрю, как они играют. Это та же игра, в которую и я когда-то играла. Держа за одну руку Тайлера, а за вторую – Елену. Игра-хоровод. Она начинается с песенки, с Ведьминой считалки. Песня эта, наверное, появилась на свет тогда же, когда и сказки о Ведьме из Ближней – а может, они существовали всегда, с тех же самых пор, что и сами вересковые пустоши. Мотив завораживает, гипнотизирует, так что становится жутковато и кажется, будто ее напел сам ветер. Дети держатся за руки. Они начинают медленно двигаться по кругу и петь.

На пустоши ветер, поет он песню мне,
О камнях, о вереске, о море вдалеке,
Собрались вороны, на стене сидят,
На стене сидят, в сад они глядят.
Дети в этот сад ходили, ходили,
Ведьмину песню услышать хотели.

Дети поют все быстрее, все быстрее движется хоровод. Это всегда напоминает мне ветер, который играет с опавшими листьями, вихрем поднимает их, закручивает...

Спела о земле – земля раскололась,
Спела о ветре – ей ветер ответил,
Спела о реке – река расплескалась,

Спела об огне – и огонь полыхнул.
А маленький Джек заслушался ее,
Вошел он как-то раз в ведьмино жилье.

Быстрее.

У Джека на кровати шесть цветков лежит,
А ведьмин дом сожгли, и ведьма прочь бежит.
Была в Ближней ведьма, но больше нет ее,
Пустошь и болота теперь ее жилье.

И еще быстрее.

Но в холмах на пустоши ведьма все поет,
То тише, то громче, меня она зовет.
Дверь не пускает – песня снизу проползет,
А окно не пустит – в стекло постучит.
Ведьма из Ближней поет-ворожит.

Песня начинается заново.

На пустоши ветер, поет он песню мне...

Слова повторяются, вьются, путаются, пока дети, наконец, не выбиваются из сил и, хохоча, не падают друг на друга. Побеждает последний, кто устоит на ногах. Рен удается продержаться дольше других, но под конец и она валится наземь. Она запыхалась, но счастливо улыбается. Дети, пошатываясь, встают, отряхиваются и тут же готовятся играть снова. А мои мысли тоже медленно кружатся вокруг таинственного незнакомца, чьи глаза, казалось, впитали свет луны, а края силуэта были странно размыты.

Кто он? Зачем появился здесь? А потом в голове еле слышно проносится: Как он исчез? Как будто разбился на куски?

Одним глазком приглядывая за Рен, я прохаживаюсь между кружками, ловлю обрывки разговоров. Многие уверяют, будто видели что-то расплывчато-туманное – но этим я не верю совсем. Похоже, понимаю я, что он прошел на запад к Бо, севернее меня. Судя по всему, шел он по невидимой границе, отделяющей Ближнюю от пустошей – но как он различал эту границу, я не знаю.

Детский хохот стихает, уступая место хорошо знакомому голосу, и я, обернувшись, вижу Елену. Она сидит на низкой стене, окружающей площадь. Вокруг собрались несколько мужчин и женщин – кажется, единственные, кто не переговаривается между собой. Эта группа стоит молча, глядя на Елену. Перехватив мой взгляд, она подмигивает, но тут же возвращается к своим слушателям.

– Я его видела, – говорит она. – Было уже темно, но я уверена, это был он.

Елена вытягивает ленту из косы и обматывает вокруг запястья, позволив белокурым, такого же цвета, как у Эдгара, волосам рассыпаться по плечам. Елене, при всей ее хрупкости и негромком голосе, уверенности не занимать. Она соскочила со стены и стоит в лучах солнца, наслаждаясь вниманием.

Я хмурюсь. Она не врет. При любой попытке обмануть ее щеки заливают пунцовый румянец, а сейчас слова льются гладко и уверенно, а щеки остаются такими же нежными, как обычно.

– Он был высокий, худой, с темными-темными волосами, которые падали ему на лицо.

Слушатели дружно вздыхают. Люди постепенно отходят от других групп и примыкают к этой. По площади распространяется известие, что кому-то удалось подробно рассмотреть чужака. Я проталкиваюсь ближе, раздвигая толпу, пока не оказываюсь рядом с Еленой. Вокруг все гудит и бурлит. Я сжимаю ее руку.

– А, вот и ты! – Она тянется, чтобы обнять меня.

– Что тут происходит? – Но мой вопрос тонет среди десятка других.

– Он говорил с тобой?

– В какую сторону он пошел?

– Какого он роста, высокий?

– Расступитесь, ей нечем дышать, – говорю я, заметив на площади дядю. Он выше всех, поэтому увидел и сборище вокруг Елены. Он направляется к нам, разбираться. – Дайте ей передохнуть.

Я тащу Елену в сторону.

– Ты правда его видела? – шиплю я ей в ухо.

– Правда! – жарко выдыхает она. – Ох, Лекси, он был потрясающий! И странный. И молодой! Если бы только ты тоже взглянула на него!

– Если бы, – шепчу я. Слишком много вокруг голосов, щебечущих о пришельце, слишком много глаз ищут его. Я не хочу добавлять к ним свой голос и взгляд. Еще не время.

Толпа вокруг нас разрастается, вопросы так и сыплются. По площади шагает Отто.

– Скажи нам, Елена.

– Скажи, что видела.

– Скажи нам, где он, – звучит мужской голос, и в нем слышится не просто любопытство, а что-то более жесткое. Это Бо.

Елена поворачивается, собираясь ответить, но я снова хватаю ее за руку и дергаю. Довольно резко. Так что она даже вскрикивает.

– Лекси, полегче! – шепотом возмущается она.

– погоди, это важно, Ты знаешь, где он сейчас?

– Конечно, – глаза у Елены сияют. – А ты разве нет? Лекси, великий следопыт, уж ты-то наверняка догадалась.

Отто уже поравнялся с краем толпы, тронул Бо за плечо. Тот что-то говорит ему на ухо.

– Елена Дрейк, – громогласно окликает Отто через головы. – На одно слово.

Моя подруга легко соскакивает со стены. Я крепче сжимаю ее руку.

– Не говори ему.

Елена оглядывается через плечо.

– Да почему, в чем дело?

– Ты же знаешь моего дядюшку. Ему только одно нужно – чтобы чужака здесь не было. Чтобы все снова стало по-прежнему, тишь да гладь. – Елена сдвигает рыжеватые брови. – Я должна их опередить. Дай мне немного времени. Чтобы предупредить его.

Собравшиеся расступаются, пропуская моего дядю.

– Добрый день, мистер Харрис, – здоровается Елена.

Над площадью раздается звон колокольчика, к нему присоединяется второй, потише, и третий – совсем тихий. Совет. Отто медлит, повернувшись на звук. На крыльце одного из домов ожидают трое древних стариков, настоящие развалины. Мастер Илай, мастер Томас и мастер Мэтью. Голоса у них дребезжат от старости, и они, вместо того чтобы кричать, звонят в свои колокольчики, чтобы привлечь внимание людей. В сущности, они ничего уже не делают, только продолжают дряхлеть. Совет начался с них троих. Они встретились с Ведьмой из Ближней и изгнали ее прочь из деревни. Эти живые мощи на ступенях уже никакой не Совет – так, одно название. И все же есть в их взглядах что-то такое холодное и острое, от чего дети испуганно шепчут, а взрослые опускают глаза.

Люди покорно тянутся к старикам. Дядя хмурится, разрываясь между желанием поговорить с Еленой и необходимостью идти со всеми. Он сопит, крутится на месте и, наконец, снова торопливо шагает через площадь. Переглянувшись со мной, Елена спешит за ним следом.

Это мой шанс. Единственный.

Я спешу вдоль стены, в другую сторону от дяди и односельчан. Выходя с площади, нахожу глазами Рен среди других детей. Мама стоит рядом. Отто, преобразившись в Защитника, занимает свое место рядом с тремя старцами. Обо мне сейчас никто не вспомнит.

– Как вы слышали, – начинает мастер Томас, обращаясь к притихшей толпе. Он на голову выше даже Отто, а голос его, даже надтреснутый от возраста, обладает удивительным свойством проникать всюду. – Среди нас появился чужой...

Я ныряю в щель между двух домов, выбегаю на тропинку, ведущую на восток.

Елена права: я знаю, где незнакомец.

К нашему приходу почти все жители уже собрались на площади. Кроме двух человек. Правда, они никогда особо не любили показываться на людях. Но такое событие, как появление чужака, должно было выманить на площадь Ближней даже сестричек Торн. Если только они – не те, кто его прячет.

Я петляю по проулкам, держа курс к востоку. Звуки деревни стихают, поднимается ветер.

Глава 3

Мой отец многое поведал мне о ведьмах.

Ведьмы умеют вызывать дождь, на их зов прикатываются валуны. Им повинуются огонь. Они могут двигать землю. Они повелевают стихиями. Так, как это делают Магда и Дреска Торн. Однажды я попросила их рассказать о себе, и они сказали – мы *старые*. *Старые, как скалы*. Но это не вся правда о них. Сестрички Торн ведьмы до мозга костей. А ведьм здесь не слишком привечают.

Я торопливо шагаю к дому сестер. Тропинка под ногами узкая, еле заметная, но нигде не пропадает совсем, хотя ходят по ней редко. Дорога будто сама протоптала себя и надежно въелась в землю. Домик сестер торчит на вершине холма, над рощицей. Я точно знаю, сколько шагов до их жилища от моего дома и от центральной площади Ближней, могу перечислить все цветы, какие растут на обочине, все подъемы и спуски.

Отец, бывало, брал меня сюда.

Его больше нет, а я все равно хожу этим путем. Много раз я навещала этот домик, привлеченная странным обаянием его обитательниц. Мне хотелось смотреть, как они собирают травы, задавать им вопросы, просто радостно здороваться с ними. Все остальные в деревне отвернулись от сестриц, постарались забыть – будто их и не было. Но меня они влекли к себе так же сильно, как земное притяжение, и каждый раз, когда мне некуда было идти, ноги сами сворачивали сюда. Такое же притяжение я ощутила, стоя у окна вчера вечером. Та же сила тянула меня к незнакомцу на пустошах – сила, природа которой мне самой до конца была не ясна. Но отец учил меня доверять ей так же, как я верю своим глазам. Так я и поступаю.

Помню, как он повел меня к сестрам в первый раз. Мне было лет восемь или около того. Я была старше, чем Рен сейчас. Весь их дом пропах грязью, запах был крепкий, тяжелый и свежий одновременно. Я запомнила цепкие зеленые глаза Дрески и Магду с ее кривой усмешкой, кривой спиной – все у нее было кривое. Внутри они меня никогда не пускали, до тех пор, пока он не умер.

Со всех сторон меня обступают деревья. Я вхожу в рощу.

Останавливаюсь, мгновенно поняв, что я здесь не одна. Здесь кто-то есть, дышит, движется, хоть и не попадаете мне на глаза. Не дыша, я выделяю из окружающего шума ветерок, шорохи и дыхание пустоши. Внимательно вслушиваюсь, терпеливо ожидая, пока из моря шорохов вынырнет новый звук, вглядываюсь, ожидая, когда что-нибудь шевельнется.

Отец научил меня находить следы, читать землю и деревья, как книгу. Он учил меня, что у всего есть язык, и если знаешь его, то весь мир заговорит с тобой. *Трава и земля хранят секреты*, – говорил он. – *Ветру и воде есть о чем рассказать, они могут предупредить, предостеречь*. Всем известно, что ведьмой нельзя стать, ею нужно родиться, но в детстве я думала, что отец нашел способ обмануть мир и заставить работать на себя.

Справа от меня что-то мелькает за деревьями.

Проворно развернувшись, успеваю увидеть, как от ствола сами собой отделяются несколько веток. Нет, это не ветви, догадываюсь я. Рога. Между стволами на высоких, как ходули, ногах скользит олень. Вздохнув, я возвращаюсь на тропу, и вдруг – какая-то тень, глубже в роще.

Промельк темной ткани.

Я моргнула – и все исчезло, но я готова поклясться, что видела серый плащ за деревьями.

За спиной раздается резкий хруст, я вздрагиваю – там Магда, маленькая и сгорбленная. Она смотрит на меня. Левый глаз у нее небесно-голубой, зато правый сделан из чего-то очень темного и твердого, как мореный дуб, и вот этим двойным взглядом она внимательно обшаривает мое лицо. Вдыхаю – даже не знаю, сколько времени я простояла не дыша, и старуха

качает головой, морщинистая и седая, как лунь. Она хихикает, скрюченные пальцы крепко держат ручку корзины.

– Может, ты и хорошо берешь след, милая, но пугаешься, будто кролик. – Она тычет в меня длинным костлявым пальцем. – Не хочешь, чтобы тебя саму выследили.

Я оглядываюсь, но тень уже пропала.

– Привет, Магда, – здороваюсь я. – А я как раз шла к вам.

– Я уж догадалась, – она подмигивает здоровым глазом. Какое-то мгновение на меня устремлен взгляд только ее темного глаза, и я поеживаюсь.

– Ну, так идем, – она направляется из рощи, к своему дому. – Будем пить чай.

* * *

Три года меня не приглашали войти в дом.

Сейчас Магда молча ведет меня к нему. Над головами собираются тучи. Идем мы медленно, потому что на три ее шага приходится один мой. Поднимается ветер, он выхватывает пряди волос из моей косы, бесстыдно льнет к лицу и шее, пока Магда невозмутимо семенит рядом.

Я выше ее на целую голову, но догадываюсь, что сейчас она на голову меньше самой себя, какой была когда-то, так что сейчас равняться с ней ростом нечестно. Двигается она не как старушка, а скорее как сорванный ветром лист, то и дело подскакивая и меняя курс. Так мы движется вверх по склону, к домишку, который она делит с сестрой.

Недаром я росла в Ближней – каких только историй о ведьмах не наслушалась в детстве. Мой папа терпеть не мог эти байки и всегда говорил, что их выдумал Совет, чтобы держать людей в страхе.

– Страх – странная штука, – говорил он мне. – Он наделен властью над людьми, заставляет их закрывать глаза и отворачиваться. Ничего хорошего из страха не вырастет.

Дом будто поджидает нас, такой же ветхий и кривой, как две сестры, живущие в нем. Весь он как-то перекошен, а крыша сидит под странным углом, словно набекрень. Все камни в кладке торчат во все стороны, ни один из них не уложен ровно, как у тех домов в центре деревни. Дом этот очень стар, так же стар, как сама Ближняя, и веками стены его проседают. Он располагается на восточном краю деревни и с одной стороны окаймлен невысокой каменной стеной, а с другой его подпирает полуразрушенный сарай. Между каменной стеной и домом – два прямоугольных клочка земли. Один из этих лоскутков Магда называет своим садом, а другой – просто кусок голой земли, где, кажется, ничего не растет. Наверное, это единственное место в окрестностях Ближней, которое не запленили травы. Мне не нравится этот второй клочок. Он кажется неестественным. За домиком простирается вересковая пустошь, как и к северу от моего дома, – те же холмы, камни и редкие деревца.

– Идешь? – спрашивает Магда из дверного проема.

Тучи в низком небе все гуще и мрачнее.

Я мнусь на пороге. Но почему ноги отказываются его переступить? У меня нет причин бояться сестричек Торн или их жилища.

Набрав полную грудь воздуха, я вхожу.

Здесь по-прежнему пахнет землей – запах крепкий, тяжелый и надежный. Это не изменилось. Но комнатка кажется мне темнее, чем прежде, когда я приходила сюда с отцом. Может, дело в наползающих тучах, в близкой осени или в том, что папа не стоит рядом, освещающая комнату улыбкой. Я стараюсь подавить дрожь, а Магда тяжело вздыхает, поставив корзину на длинный деревянный стол.

– Садись, милая, садись, – она указывает на стул.

Я присаживаюсь на краешек.

Магда ковыляет к очагу, где уже ожидает растопки уложенный хворост. Она бросает на меня беглый взгляд через плечо. Потом складывает пальцы щепотью, очень медленно поднимает руку. Я подаюсь вперед, надеясь, что она позволит мне увидеть свое мастерство – ну вдруг заставит хворост собраться вместе или огниво подскочить вверх с грязного земляного пола. Сестры не любят что-то делать напоказ, поэтому мне до сих пор мало что удавалось подсмотреть украдкой – только легкое подрагивание земли, движение камней, то странное притяжение, которое я чувствую рядом с ними, страх жителей деревни.

Рука Магды замирает над очагом, поднимается к каминной полке и хватается за длинную тонкую палочку. Обычную спичку. С упавшим сердцем я опускаюсь на стул, а Магда чиркает спичкой и разжигает огонь. Она снова поворачивается ко мне.

– Что случилось, милая? – В ее глазах мерцает что-то. – Ты как будто разочарована.

– Ничего, – я выпрямляю спину и сцепляю под столом пальцы. Под чайником потрескивает, разгораясь, огонь, Магда возвращается к столу и стоящей на нем корзине. Она вынимает из нее комья земли, несколько цветков вереска, травы, какие-то семена, пару камней – все, что нашла. Магда ежедневно собирает по кусочкам свой мир. Мне представляется, что все это нужно ей для амулетов. Всякая мелочь. Время от времени что-то из сделанного сестрами перекочевывает в карманы жителей деревни или кому-то на шею – даже если они во всеуслышание заявляют, что не верят в колдовство. Я точно видела один амулет, вшитый в подол платья Елены – скорее всего, чтобы привлечь внимание Тайлера Уорда. Пусть забирает его себе.

Если не считать россыпи странных предметов на столе, дом сестер Торн выглядит на удивление нормально. Если я расскажу Рен, что побывала здесь, в доме ведьм, ей захочется услышать, что все в нем удивительно и необычно. Даже жалко ее разочаровывать.

– Магда, – начинаю я, – я пришла, чтобы спросить тебя...

– Чай еще не закипел, а я слишком стара, чтобы стоять над чайником и одновременно разговаривать. Обожди минутку.

Прикусив язык, я жду, очень терпеливо жду, пока Магда ковыляет по комнате, собирая чашки. Тем временем ветер начинает царапаться и задувать в щели оконных рам. Густые тучи заволочили уже все небо. Чайник закипает.

– Не тревожься, детка, это всего-навсего пустошь, пусть себе болтает, – говорит Магда, заметив, что я то и дело поглядываю на окно. Она наливает чай в тяжелые кружки. Старое проволочное ситечко почти не задерживает листья заварки. Наконец, она садится.

– А что, пустошь в самом деле разговаривает? – интересуюсь я, глядя, как темнеет чай в кружке.

– Не так, как мы, ты да я. Не словами. Но у нее тоже есть свои секреты, да.

Секреты. Вот и отец тоже это так называл.

– На что это похоже? – обращаюсь я больше к себе. – Мне представляется, что это не каждый может почувствовать. Хотела бы я...

– Лекси Харрис, можешь хоть каждый день есть землю и в траву одеваться, но и тогда не станешь ко всему этому ни на полшага ближе, чем ты уже есть.

Это голос Дрески Торн. До сих пор собирающаяся буря оставалась снаружи, но вдруг порыв ветра распахивает дверь, с силой хлопает и оставляет на пороге ее.

Дреска не просто так же стара, как сестра, она, наверное, даже еще старше. Само по себе то, что сестрички Торн еще держатся на ногах, еще ковыляют – неоспоримый знак их силы. Они здесь с незапамятных времен, столько же, сколько существует Совет, да не просто Томас, Мэтью и Илай, а их предшественники, *настоящий* Совет. Они уже были, когда появилась Ведьма из Ближней. Когда появилась сама Ближняя. Сотни лет. Мне иногда чудится, будто я вижу, как от них отваливаются кусочки, но присмотрюсь – нет, они на месте, не раскрошились.

Дреска бормочет что-то сама себе, налегая на дверь, и, наконец, ей удается захлопнуть ее. Только после этого она оборачивается к нам. Когда ее взгляд останавливается на мне, я от растерянности моргаю. Магда вся круглая, а Дреска острая, одна – шарик, а другая – углы и колючки. Даже клюка у Дрески заостренная. Сама она выглядит так, будто ее вытесали из камня. А когда сердится или недовольна, так и кажется, что все углы становятся еще острее. У Магды один глаз темный, как мореное дерево или камень, а у Дрески оба глаза ярко-зеленые, как мох на камнях. И сейчас они устремлены на меня. Я сглатываю.

Когда-то я уже сидела на этом стуле, а отец пальцами ласково сжимал мне плечо и разговаривал с сестрами. Дреска тогда смотрела на него благожелательно, почти ласково. Я так ясно это помню, потому что ни до, ни после не видела, чтобы она на кого-то так смотрела.

За окном начинает лить дождь, тяжелые камни шлепают по камням.

– Дреска права, милая, – нарушает тишину Магда, насыпая себе в чай три ложки коричневого сахара. Она не размешивает его, дает опуститься на дно и улечься зернистой горкой. – С этим надо родиться. Какой ты родилась, такая и есть.

Морщинистая рука Магды находит мой подбородок.

– И само по себе то, что ты не можешь заставить воду бежать вспять или уговорить деревья, чтобы росли корнями вверх...

– Странные умения, мало для чего пригодные, – вклинивается Дреска.

– ...еще не значит, что ты не часть этого места, – заканчивает Магда. – Все живые души, рожденные на вересковых пустошах, несут пустошь в себе. – Она смотрит в кружку, здоровый глаз ее рассеянно блуждает по поверхности темного напитка. – Есть что-то, что в нас поднимает ветер, когда начинает дуть. Это то, что удерживает нас здесь, не давая удалиться от дома.

– Кстати о доме, почему ты оказалась в нашем? – грозно спрашивает Дреска.

– Она шла повидать нас, – отвечает Магда, не отрывая глаз от чая. – Я пригласила ее войти.

– И почему же, – Дреска растягивает слова, – ты это сделала?

– Мне показалось, что это будет правильно. – Магда бросает мрачный взгляд на сестру.

Обе смолкают.

Я прочищаю горло.

Обе сестрицы смотрят на меня.

– Ну вот, ты здесь, – роняет Дреска. – Что привело тебя?

– Я хотела спросить вас, – выговариваю я наконец, – о чужаке.

Хищные зеленые глаза Дрески сужаются, но зорко глядят из своих морщинистых гнезд. Кажется, что камни, из которых сложен дом, что-то ворчат и трутся боками. В окно наотмашь бьет дождь, а сестрички ведут разговор, весь состоящий из кивков, взглядов и тяжких вздохов. Говорят, что братья и сестры часто понимают друг друга без слов. Что ж, у Магды с Дреской это правда так. Я знаю только английский, а они – английский, язык пустошей, свой сестринский и кто его знает, какие еще. Спустя минуту Магда вздыхает и поднимается на ноги.

– Ну так что же? – ворчливо спрашивает Дреска, стукнув клюкой по деревянному полу. За окном дождь набегает волнами, каждая следующая слабее предыдущей. – А нам о нем ничего неизвестно.

Ливень переходит в мелкий морозящий дождик.

– Вы его не приютили? – спрашиваю я.

Сестры замирают, будто онемев.

– Я не желаю ему зла, – торопливо объясняю я. – Я только хотела его увидеть, поговорить. Я же никогда не видела чужих людей. Просто хотела убедиться, что он настоящий, и спросить... – Как мне объяснить им? – Просто скажите, если он у вас, пожалуйста.

Ничего.

– Я видела его прошлой ночью. Из своего окна. Бо Пайк утверждает, что увидел его первым, на западном краю, а мы живем на севере. Мне показалось, что этот пришелец видит границу вокруг деревни. Он обогнул ее и пошел на восток, – я стучу указательным пальцем по столу. – Сюда.

Наверняка сестры пустили его к себе. Иначе и быть не может. Но они ничего не говорят. И их глаза ничего не говорят. Их лица ничего не говорят. Как будто я разговариваю со статуями.

– Сегодня утром на площади не было только вас, – добавляю я.

Магда моргает.

– Мы держимся особняком.

– Но вы – единственные, кто мог спрятать...

Внезапно оживает Дреска.

– Ступай-ка ты лучше домой, Лекси, – рывкает она, – пока погода разгулялась.

Я выглядываю в окно. Гроза кончилась, серое небо немного прояснилось. В доме висит страшная напряженность, мне даже кажется, будто от этого комната стала меньше.

Взгляды сестер настороженные, тяжелее прежнего. Даже у Магды губы вытянуты в узкую линию. Поднимаюсь из-за стола. К своей кружке я не притронулась.

– Спасибо за чай, Магда. – Я направляюсь к двери. – Извините, что побеспокоила.

Дверь за мной плотно закрывается.

Мир снаружи – сплошь лужи и слякоть. Сейчас я с радостью поменяла бы эти дурацкие тапочки на свои кожаные башмаки.

Сделала два шага, а ноги уже мокрые насквозь. Над головой небо расчищается, облака куда-то отступают.

Я смотрю на запад, в сторону деревни.

Когда я была такая, как сейчас Рен, то однажды спросила папу, почему сестры живут здесь, так далеко. Он ответил тогда, что для жителей Ближней это, с одной стороны, хорошо, а с другой, плохо. Ведьмы, сказал он мне, такие же, как люди, они бывают всякие-разные, среди них встречаются хорошие и скверные, глупые и умные. Но после Ведьмы из Ближней люди в деревне забрали себе в голову, что все ведьмы плохие.

Сестры живут здесь, на отшибе, потому что люди испуганы. Но хорошая сторона – то, что они *остались*. Тогда я спросила отца почему, а он улыбнулся одной из своих мягких, домашних улыбок и сказал: «Здесь их дом, Лекси. Они не повернутся к нему спиной, не предадут, даже если он предаст их».

Бросив на холм сестер последний взгляд, я ухожу. Они оберегают незнакомца. Я это понимаю.

Я иду назад по утоптанной тропке, мимо сарая, что находится сразу за домом, к северу.

Если сестры его прячут, должна быть причина...

У меня перехватывает дыхание.

На стене сарая висит на гвозде серый плащ, на швах ткань темнее, как будто выгорела. После дождя пустошь непривычна тиха, и я вдруг начинаю слышать свои шаги, звук, который издают на мокрой земле мои ноги, подбираясь все ближе к сараю. Хибара, кажется, медленно проигрывает войну с земным тяготением. Остов сарая – несколько деревянных столбов, вкопанных в землю и поддерживающих замшелую крышу. Сквозь щелястые стены видна пустошь, сорняки пускают корни, то ли поддерживая ветхий сарай, чтоб не упал, то ли разрушая его окончательно. Плащ висит рядом с дверью, но ручки у двери нет. Между кривыми досками широкие щели, я наклоняюсь и прижимаюсь глазом к одной из них. Внутри темно и никого нет.

Я отхожу, огорченно кусаю губу. Но вдруг с другой стороны сарая слышу что-то – тихий вздох. Я улыбаюсь и тихо крадусь на звук, пригибаясь и умоляя землю впитать мои шаги, не выдать меня. Заворачиваю за угол. Там никого и ничего. Даже следа на траве.

Разочарованно фыркнув, я громко топаю вокруг сарая обратно. Я знаю, какие звуки издают живые люди, и я уверена – там кто-то был. Я слышала дыхание, я видела...

Но гвоздь торчит, а на нем ничего нет.

Глава 4

Ускоряя шаг, я иду обратно, расстроенная и промерзшая от ходьбы по мокрой траве. Туфли можно выбрасывать. Дорога раздваивается – одна узкая тропинка ведет к деревне, другая, огибая Ближнюю по краю, выходит к моему дому. Я торопливо сворачиваю на вторую. Раскисшие туфли я сняла и шлепаю босиком по грязи. Глина обнимает мои ноги по щиколотку, добирается до икр, а я все думаю об остром язычке Дрески – она сказала, что я могу хоть объесться грязью, а все равно не стану от этого ближе к пустошам. Думается, то, что сейчас я вся так перемазалась, тоже вряд ли принесет мне какую-то пользу.

Наконец я вижу издали дом Отто, а сразу за ним – наш. Пустошь подходит к самому нашему двору, охватывает его словно капюшон. С одной стороны дома сложены дрова, с другой – огород. Зелень перемешана с рыжей и красной листвой. С огородом больше возится Рен, а не я. На болотистой почве мало что хорошо растет, но Рен обожает свой клочок земли и ухаживает за посадками с поразительным терпением. Неудивительно, что и сейчас она здесь, сидит на камне и выдергивает из жидкой грязи сорняки.

– Ты вернулась! – радостно кричит Рен, увидев меня.

– Конечно. А где все?

Мое исчезновение с площади не могло остаться незамеченным, и я не сомневаюсь, у дяди найдется что сказать по этому поводу.

– Рен, – мамин голос вырывается из окна, как струйка дыма, еще миг – и она уже стоит в дверях. Пряди темных волос выются вокруг лица. Соскочив с валуна, Рен бежит к ней. Мать глядит на меня.

– Лекси, куда же ты убежала? – скорбно опущенные уголки ее рта подтверждают мои опасения. Теперь я уверена, Отто захочет со мной поговорить.

– Елена забыла дома кое-что для меня, – выдумываю на ходу. – Но не могла же она бросить людей, которые ее слушали, вот и попросила, чтобы я сама сбегала.

Я сую руки в карманы платья как бы за подтверждением, но там пусто, остается молиться, чтобы мама не потребовала доказательств. Она и не требует, только тихо вздыхает и скрывается в доме.

Я скучаю по маме. Скучаю по той женщине, какую знала до смерти отца, – она была прямой и гордой и бесстрашно смотрела на мир сверкающими синими глазами. Но изредка меня радует, что она закрылась, спряталась в раковину, стала тенью себя прежней. Тени задают меньше вопросов.

Поворачиваюсь к дому спиной. Я упускаю преимущество. Скоро Отто узнает, где пришелец, а может быть, уже знает. Если я хочу найти его, мне нужно захватить его врасплох. Но как? Запрокинув голову, я смотрю в небо. Солнце еще высоко, а поленница возле дома совсем низкая, да и мне не стоит на месте. Отшвырнув погибшие тапочки, я беру с завалинки кожаные башмаки и отправляюсь в ближайший лесок за дровами.

* * *

Топор с треском врывается в дерево. Платье у меня все в грязи, башмаки заляпаны глиной во время прогулки по полю после дождя. Они принадлежали моему отцу – темно-коричневая кожа, старые пряжки. Они такие мягкие, крепкие и теплые, а внутри уютно обмяты по ноге. В носки мне приходится набить тряпок, чтобы башмаки не сваливались, но дело того стоит. В них я чувствую себя намного лучше. И они на моих ногах выглядят лучше, вроде бы даже ярче. Не могу их себе представить чистыми и убранными в шкаф.

Сидеть без движения – это не для меня. Я вечно в движении, а за последние три года все становится только хуже.

По лицу стекают капли пота, мгновенно остывая – вечерами уже прохладно. Я ставлю последнее полено на колоду, установленную между нашими с Отто домами, заносу над головой топор.

Хорошее это дело.

Колоть дрова меня учил отец. Однажды я спросила, не хочет ли он сына, а он ответил: «Зачем? У меня же есть дочка, крепкая и сильная». И это так и есть, хотя по моему худощавому сложению сразу и не скажешь.

Топор опускается.

– Лекси! – негромкий низкий голос у меня за спиной. Я вонзаю топор в колоду и начинаю собирать наколотые чурбаки.

– Да, дядя Отто?

– Чем, по-твоему, ты занимаешься?

– Колю дрова, – отвечаю ровным голосом, балансируя на грани дерзости.

– Оставь сейчас же. Сама знаешь, Тайлер может зайти и прекрасно сделать это за тебя.

– В поленнице мало оставалось, а матери нужно печь. Ты же сам хотел, дядя, чтобы я помогала.

Я разворачиваюсь и шагаю к поленнице. Отто за мной.

– Ты можешь помогать по-другому.

Отто никак не выйдет из образа Защитника: голос суровый, в нем слышится власть. Возможно, это и в самом деле его лицо и его голос, но не его должность. Раньше ее занимал мой отец.

– А где твои туфли? – спрашивает он, глядя на замызганные башмаки.

Я швыряю чурбаки на поленницу.

– Не хочешь же ты, чтобы я их испортила?

– Чего я хочу – это чтобы ты меня слушалась, если я говорю что-то сделать. А еще важнее – когда говорю чего-то *не* делать.

Отто скрещивает на груди руки, и я подавляю желание передразнить его.

– Не пойму, о чем это ты.

– Лекси, я говорил, что не хочу, чтобы ты сегодня уходила. Не пытайся меня убедить, что ты этого не слышала.

Ложь уже вертится у меня на кончике языка, но обвести Отто вокруг пальца не так просто, как маму.

– Ты прав, дядя, – покорно улыбаюсь я. Он недоверчиво вздергивает бровь, ожидая подвоха, но я продолжаю. – Я правда ходила искать чужака и вернулась сам видишь с чем, – я показываю растопыренные ладони. – Ни с чем.

Снова подойдя к колоде, я выдергиваю из нее топор. Пальцы привычно ложатся в ямки от отцовских пальцев.

– Это была глупость, – продолжаю я. – Я не сумела его отыскать. Он ушел.

С глухим стуком топор снова врубается в колоду.

– Так что я вернулась. И вот я дома. Успокойся, дядя. Все хорошо. – Отряхнув с пальцев опилки, я кладу руку на плечо Отто. – И что же поведала Елена?

– Меньше, чем хотелось бы, – отвечает Отто, а сам глядит вниз, на отцовские башмаки. – Говорит, видела что-то, какую-то тень на поляне у своего дома, может, это и был чужак. Клянется, что не знает, в какую сторону он пошел. Что он просто исчез.

– Елена всегда была выдумщицей, – вздыхаю я. – Она может сочинить историю на ровном месте.

Разумеется, это неправда. Она больше любит, чтобы я рассказывала истории ей.

Отто даже не слушает. Он смотрит поверх моего плеча, и его глаза плывут куда-то, все дальше. Темные, потерянные глаза.

– И что теперь будет? – спрашиваю я.

Он вздрагивает.

– Пока ждем.

Мне удастся спокойно кивнуть, отвернуться и только тогда тревожно нахмуриться. Я ни на миг не поверила, что мой дядюшка намерен просто ждать.

* * *

Вечером луны на небе нет, и лунные зайчики не пляшут по стенам. Никакого развлечения для тех, кому не спится. А у меня сна ни в одном глазу, но не из-за чужака.

Все дело в ветре.

Он снова тянет одну и ту же заунывную ноту, но я слышу что-то еще, звук, от которого у меня по спине бегут мурашки. Как ни верчусь, как ни зарываю голову в подушку, я продолжаю слышать, как что-то – или кто-то – зовет, это не слишком громкий зов, но он проникает сквозь стены. Этот голос – определенно не ветер – кружит и извивается, то громче, то тише, как приглушенная мелодия. Я уверена, что если бы смогла подойти ближе, то разобрала бы слова. Сейчас слова эти неразличимы, они не даются, не позволяют себя уловить.

Я тихонько сбрасываю одеяло, стараясь не разбудить Рен, спускаю ноги на деревянный пол. Потом, вдруг вспомнив слова отца, подбираю ноги под себя и сижу на краешке кровати, не решаясь ни встать, ни снова забраться в постель.

Все деревья шепчутся, а листья шуршуются. Камни – те молчуны, задумчивые и замкнутые. Он рассказывал такие истории обо всем на свете, всему давал голос и жизнь. *Если ветер с болот начнет петь, ты его не должна слушать, по крайней мере, не во все уши. Только исподтишка. Знаешь, как смотрят искоса, краем глаза. Ветер одинок, детка, и вечно ищет себе компанию.*

Отец и учил, и рассказывал сказки, а уж я сама должна была учиться отличать одно от другого.

Ветер завывает, и я забываю о предостережениях отца и, наострив уши, пытаюсь уловить звук, разгадать его. Я вслушиваюсь до головной боли, стараясь обнаружить слова там, где их нет. Наконец я сдаюсь, снова ложусь и заворачиваюсь в одеяло, устраиваю себе кокон, сквозь который песнь ветра не так слышна.

Я уже начинаю погружаться в сон, когда Рен рядом со мной начинает ерзать. Она поднимается, скользит с кровати вниз, и я слышу тихое шлепанье – она пересекает комнату, сейчас выберется из нее, ища маму.

Но сегодня что-то не так.

Слабый скрип, звук шагов по одной из двух кривых половиц между кроватью и окном. Я сажусь. Рен стоит у окна, как в раме из дерева и стекла, в темноте ее светлые волосы кажутся почти белыми. Без одеяла я снова слышу ветер, слышу музыку в нем и почти-слова, которые гулко отдаются в голове.

– Рен? – шепотом окликаю я, но она не оглядывается. Может, это мне снится?

Взявшись за оконную задвижку, Рен поворачивает ее. Тонкие пальчики хватаются за нижнюю часть рамы, пытаюсь сдвинуть, но силенок не хватает. Эта рама всегда была слишком тяжелой. Я только сейчас замечаю, что ставни открыты. Не помню, чтобы я их распахивала, но это так, они открыты, и через стекло видна ночь. Рен сильнее давит на раму, и каким-то образом ей удается чуть-чуть сдвинуть ее.

– Рен!

Соскочив с кровати, я подбегаю к сестренке прежде, чем она успевает расширить щель, оттаскиваю ее и захлопываю окно, через которое уже просачивается холодный воздух. Потом я вглядываюсь в темноту, нет ли кого на пустоши, кого-то или чего-то, что привлекло сестренку. Нет, ничего. Ничего, кроме обычной черно-белой ночи, одиноких деревьев, камней и бормочущего ветра. Я оглядываюсь на Рен – она моргает и трет глаза, как человек, которого внезапно разбудили. У меня за спиной ветер с силой наваливается на стекло, но отступает, растворяется в темноте.

– Лекси? Что случилось? – спрашивает Рен. Видимо, сейчас я выгляжу странно – прижимаюсь спиной к оконной раме и смотрю на малышку, как на одержимую. Надо взять себя в руки. Я отклеиваюсь от окна, тащу Рен обратно к кровати. По дороге задерживаюсь, чтобы зажечь три свечи, и они наполняют комнату теплым желтым светом. Рен укладывается, а я сажусь, опершись о спинку кровати, и долго гляжу на свечи, на окно, на ночь за стеклом.

Глава 5

Тук. Тук. Тук.

Я глубже забираюсь под одеяло. Уже по запаху я могу уверенно сказать, что сейчас утро. Пахнет хлебом и концом лета. Не знаю, когда я заснула, а может, просто нырнула в пространство между...

Тук. Тук. Тук.

Слышу, как открывается входная дверь.

У меня от напряжения сводит шею и плечи, в висках стучит, а мысли вдруг стали медленными и неповоротливыми. Я сажусь на кровати и распрямляю спину. Вслушиваюсь, но голоса у двери звучат слишком тихо, отсюда из комнаты ничего не разобрать. Один голос звучит более отчетливо, и мне становится интересно, давно ли Отто здесь, у нас. Я натягиваю одежду, открываю свою дверь и замираю на пороге.

– Иногда случается, мальчики убегают, Джейкоб, – говорит Отто.

Джейкоб Дрейк?

– Подумай, – добавляет дядя, – куда он мог пойти?

– Нет, – отвечает высокий нервный голос. Это действительно мистер Дрейк, отец Елены и Эдгара. – Он бы не сбежал. Он боится темноты... Да и днем всего боится тоже.

Раздается его приглушенный, печальный смешок.

Мне слышно, как Отто шагает из стороны в сторону.

– Что же мы стоим на пороге, – говорит он наконец. – Заходи. И ты тоже, Бо.

Дождавшись, пока они пройдут на кухню, я тихонько крадусь туда.

– Может, кто-то увел его к себе? – спрашивает Отто, принимая из маминых рук кружку с кофе.

Мистер Дрейк, невысокий, сухопарый, волосы у него когда-то были светлыми, как у Елены и Эдгара, а теперь их покрыла седина. Встав в середине кухни, он то скрещивает руки, то опускает их за разговором с Отто.

– Нет, нет, нет, – бормочет он. – Кто? Кто мог его увести?

– И никто ничего не видел?

Мама месит тесто, ритмично потряхивая головой. Бо, прихрамывая, подходит к столу и присаживается. Его хромота едва заметна – неудачно упал много лет назад, – но на деревянных половицах шаги звучат неровно. Он берет ломоть хлеба с сушеными ягодами и откусывает, молча переводя взгляд с одного мужчины на другого.

– Что-то случилось? – спрашиваю я.

– Эдгар пропал. – Взгляд у мистера Дрейка тоскливый и замученный.

У меня падает сердце.

– Как это пропал?

В дверь стучат, и мать исчезает за дверью, пока Отто все уговаривает мистера Дрейка присесть.

– Давай все обсудим, – говорит дядя. – Расскажи мне все с самого начала...

Появляется мама, за ней по пятам идет старик. Не настолько старый, как сестрички, которые кажутся ужасно ветхими, но никогда не меняются. Просто *старый*. Мастер Илай. Из Совета. Серые, как сталь, волосы свисают жесткими прядями по обе стороны изможденного лица. Я пядусь, освобождая ему место. Мистер Дрейк и Отто склонили головы друг к другу и тихо переговариваются. Бо сидит к ним вполоборота, будто ему не очень интересно. Все они смотрят, как мастер Илай опускается на стул.

– Что нам известно? – хрипит он. Что-то скрипит, и я не знаю, он это или стул под ним. Отто выпрямляется, разворачивается к члену Совета.

– Прошлой ночью Эдгар пропал, прямо из кровати, – поясняет он. – Бесследно. Ни следов борьбы, никаких других. Нужно собрать народ на поиски. Он не мог уйти далеко.

– Я просто не понимаю, – мямлит мистер Дрейк.

Хмурясь, Отто ставит кружку на стол. Я замечаю, что на нем его мясницкий фартук, а руки у него в красных разводах. Он пожимает щуплое плечо мистера Дрейка, обещает разыскать его сына. А когда отнимает руку, на плече остается пятнышко полусохшей крови.

– Мы пока ничего не знаем, Илай, – говорит он. Мой дядя, наверное, единственный человек в деревне, который может позволить себе звать членов Совета по имени, без титула. Небольшая привилегия его поста, и он получает от этого удовольствие.

– Бедный мальчуган, – шепчет мама, я оглядываюсь и вижу, как она прижимает к себе озадаченную и смущенную Рен. Судя по всему, сестренке мамина реакция кажется немного неуместной.

– Не волнуйтесь, – говорит Рен, стараясь высвободиться. – Он просто играет в игру.

– Тихо, детка, – мама встревоженно обводит глазами собравшихся. Мастер Илай странно взглядывает на нее, и трудно сказать, что в этом взгляде – жалось или что-то еще. Его глаза, темные, глубоко посаженные, выглядывают из-под мохнатых бровей. Лицо все в морщинах, как смятая бумага.

– Это игра, – настаивает Рен, – я уверена.

Но у меня такой уверенности нет. Прошлой ночью я видела, как моя сестренка пыталась вылезти в окно. Я беру Рен за руку, а мужчины тем временем встают, разбирают свои ружья и шепотом повторяют имена, десятки имен тех, кого они могут позвать с собой.

– Отто, – в первый раз Бо открывает рот, – люди в деревне ждут, они ждут вестей. Откуда мы начнем поиски?

– Мы соберемся на площади. Можем начать оттуда и разойтись во все стороны.

– Пустая трата времени, – вмешиваюсь я. – Вам нужно начать от дома Эдгара и двигаться к окраинам деревни, а не в центр.

– Лекси, – предостерегает Отто, обводя грозным взглядом комнату. Бо морщит нос. Мистер Дрейк отводит глаза. Мастер Илай откидывается на спинку стула и, кажется, весьма доволен. Хотя и не показывает этого. Отто краснеет, как свекла.

– Дом Эдгара на западе, – настаиваю я, – оттуда и надо начать и двигаться из деревни. Мало смысла в том, чтобы искать его в центре.

– А почему так? – спрашивает мастер Илай. Его интерес холоден, язвителен. Глаза так и говорят: *«Глупая маленькая девчонка!»*

– Если кто-то забрал Эдгара, – спокойно поясню я, – они нипочем не станут прятать его в деревне. Слишком здесь много народу на маленьком пространстве. Они потащат его прочь, подальше от домов. В сторону пустошей.

Улыбка старика гаснет, он поворачивается к дяде, ждет. Отто понимает намек.

– Лекси, матери нужно помочь с хлебом. Ступай, займись делом. – Мне приходится до боли стиснуть зубы, чтобы не ответить. – Идем, – командует Отто, показывая мне спину.

Бо и мистер Дрейк спешат за ними. Мастер Илай кряхтя поднимается со стула. Я слышу, как трещат у него кости и щелкают суставы, вставая на место. Проходя мимо Отто, он задерживается и кладет ему на плечо похожую на скелет руку.

– У тебя есть план? – спрашивает он, и я могу побиться об заклад, что глубоко посаженные его глаза повернулись в мою сторону.

Отто явно оскорблен, но быстро берет себя в руки.

– А как же, конечно.

Мастер Илай коротко кивает и плетется дальше, а дядя резким движением хватается за дробовик.

– Позволь мне пойти с вами, Отто, – решаюсь я.

– Не сегодня, Лекси, – отвечает дядя. Теперь, когда остальных мужчин рядом нет, голос его еле заметно смягчился. – Не могу.

– *Все дети*, – в проеме двери появляется мастер Илай, – должны оставаться дома, пока не будет обнаружен виновник и пока не найдут мальчика.

– Я уже не ребенок, *мастер*, – и уж точно не собираюсь подчиняться тебе, договариваю я про себя.

– Недалеко ушла, – с этими словами он выходит. Отто выскакивает за ним. Я подхожу к самой двери, стараясь, чтобы меня не было видно, и слышу, как они выходят на крыльцо, где ждут двое других, постукивая сапогами о порог.

– А что насчет чужака? – спрашивает мистер Дрейк, и у меня екает сердце. Чужак. Я чуть не забыла о нем. Чуть.

– Он появился здесь, в деревне, а на другую ночь пропал ребенок, – говорит Бо.

– Я так и знал, что случится что-то в этом роде, – гремит Отто. – Надо было разобраться с ним вчера.

– Никто тебя не винит за то, что решил выждать время.

– А мы знаем, где он? – спрашивает мистер Дрейк.

– Конечно, мы знаем.

– Мы почти уверены, – скрипучим голосом уточняет мастер Илай, – что он у сестер Торн. Он все еще в деревне.

– Почему вы думаете, что это чужак похитил Эдгара? – тихо спрашивает отец мальчика.

– Скорее чужак, чем кто-то из наших, – отвечает Отто. Я слышу, как он перебрасывает оружие из руки в руку.

– Зачем его вообще *кто-то* похитил?

– Давайте начнем с того, что нам известно.

– И что же это?

– Мы знаем, что в деревне Ближней появился чужой. А теперь пропал мальчик.

Негусто, думаю я.

– Будем действовать по порядку. Перво-наперво мальчик. С чужим мы разберемся позже.

Хлопает дверь, мужчины уходят. Я жду, пока не затихнет звук их шагов, и возвращаюсь на кухню. Мама снова занялась хлебом. Губы у нее сжаты в тонкую ниточку, между бровей морщинка, а пальцы рассеянно порхают над противнями и формами для выпечки. Снова вся в работе, будто ничего не случилось. Как будто не тяготят бесконечные вопросы, как будто все не запуталось.

Я валюсь на стул, вожу пальцем по деревянной столешнице. Мама водит по доске ножом, соскребая кусочки теста, слишком затвердевшие от муки, чтобы стать хлебом. Довольная Рен хватается их и начинает лепить сердечко, миску, человечка.

Еще один ритуал.

Каждое утро мама дает Рен такие куски теста, разрешает придавать их разную форму, ломать, снова лепить, пока не надоест. Потом мама испечет из них игрушки, срок жизни у которых – только до вечера.

Эти игры сейчас кажутся мне неуместными – не должна жизнь идти по накатанной колее, когда кругом все катится кувырком.

В кухне висит тяжелая тишина. Я встаю. Нужно бы дать мужчинам время отойти подальше, чтобы не столкнуться с ними, но мне просто никак не усидеть на месте.

Пока все ищут Эдгара, никто не станет искать пришельца. Это мой шанс. Я поворачиваюсь, на полпути к коридору задерживаюсь, медлю.

Я ожидаю, что мать остановит меня, остережет или начнет читать мораль, скажет хоть что-нибудь – но она даже не поднимает на меня глаз.

Раньше она окликнула бы меня, и я осталась бы на месте, остановленная взглядом ее ясных, зорких глаз. Раньше мне пришлось бы спорить с ней, настаивать, упрашивать. А теперь – теперь она просто отворачивается к печи и начинает что-то мурлыкать себе под нос.

Вздохнув, я выхожу в коридор.

У выхода кто-то бросается мне наперерез – я чуть не падаю, столкнувшись с Рен. Как она умудрилась выбраться из-за стола, не издав ни звука, я не знаю.

– Куда ты идешь? – спрашивает она.

Я опускаюсь на колени, чтобы заглянуть ей в глаза, и кладу руки на плечи.

– Я иду к сестрам, Рен, – говорю я и сама удивляюсь, как тихо звучит мой голос.

Она таращит на меня глаза, синие, как осколки неба.

– Это тайна? – спрашивает она тоже шепотом. В мире моей сестрички тайны – что-то почти такое же забавное, как игры.

– Очень может быть. – Я глажу ее по рукам, пожимаю пальчики, подношу к губам и шепчу ей в ладонки: – Ты можешь ее сохранить, если я попрошу?

Рен улыбается, прижимает к себе кулачки, в которых все еще бережно держит тайну – как держала бы бабочку. Я целую мягкие волосы сестренки и убегаю.

* * *

Спустя полчаса я пробираюсь по роще вверх и выхожу на тропу, ведущую к дому сестер. Окна открыты, но в доме тихо, и я замедляю шаг, стараясь идти тише, чтобы подобраться к дому незаметно. Именно сейчас совсем не хотелось бы натолкнуться на сестричек, увидеть каменное выражение их лиц.

Я круто поворачиваю к сараю, и вот оно: на гвозде висит тот самый серый плащ с потемневшими швами.

Я с трудом взбираюсь по крутому склону и бесшумно подбираюсь к сараю. Люди, если не хотят, чтобы их слышали, обычно крадутся на цыпочках, но на самом деле лучше переносить вес тела с пятки на носок, медленными и плавными движениями. Я огибаю покосившуюся хибару. Судя по всему, в ней только один выход – дверь, перед которой я стою. Как понять – он внутри или его там нет? Я прижимаюсь ухом к полусгнившим доскам. Ничего.

Закусив губу, взвешиваю все за и против. Не хочу его спугнуть. Но еще меньше хочу дать ему возможность незаметно скрыться. У меня была надежда застать его врасплох, но, похоже, заставить-то и некого.

– Эй! – кричу я, наконец, все еще держа ухо прижатым к двери. Доски подрагивают от моего голоса, и я немного отстраняюсь. – Я просто хочу поговорить, – добавляю я тише, особым таинственным голосом для разговоров о секретах. Этим голосом я пользуюсь нечасто, разве только с Рен. Таким голосом папа рассказывал мне свои истории. – Пожалуйста, поговори со мной.

Ничего. Я рывком распахиваю дверь, она жалобно скрипит, но внутри пусто. Я вхожу, и дверь за мной захлопывается. Где же он? Я в недоумении ощупываю серый плащ на гвозде, старую, потертую ткань. Сколько времени потеряно – ведь вместо того, чтобы бежать сюда, я могла ходить за Отто по деревне, могла искать Эдгара.

– Обидно, – шепчу я дощатой стене. В ответ доски стонут. Я выскакиваю из сарая и одним махом оказываюсь за углом. На этот раз незнакомцу не удастся улизнуть.

А вот и он. Почти на расстоянии вытянутой руки. Стоит спиной к болотам и смотрит на меня, разглядывает большими глазами, серыми, как камни в речке, но без мокрого блеска. Ветер ерошит темные волосы, треплет одежду. Видимо, когда-то она была цветной, а теперь стала серой, а может, была черного цвета и выцвела. Как плащ. Он обхватывает себя руками, как будто ему холодно.

– Ты кто? – спрашиваю я.

Он наклоняет голову набок, и я вдруг понимаю, что он совсем мальчишка. Не старше меня, на несколько дюймов выше и очень худой. Но это человек из плоти и крови, не призрак пустошей, что стоял у меня под окном и растворился в ночи.

– Откуда ты пришел? – снова задаю я вопрос, разглядывая его лицо и одежду всех оттенков серого. – Что тебе здесь нужно?

Никакого ответа.

– Сегодня в деревне пропал ребенок. Ты знаешь? – Я всматриваюсь в его глаза, ожидая увидеть признание, может быть, вину.

Он распрямляет плечи, а потом быстро проходит мимо меня, между сараем и домом сестер. Я иду за ним, но и поравнявшись с лачугой, он не проявляет никакого желания остановиться и вступить в разговор. Догнав, я хватаю его за руку и тяну назад. Он вздрагивает и отшатывается, спотыкается о какие-то доски и едва не падает на сарай. Теперь он даже не смотрит на меня, отворачивается в сторону пустоши.

– Скажи что-нибудь! – требую я, подбоченившись. Он переминается с ноги на ногу. – Это ты сманил Эдгара?

Нахмурившись, он, наконец, поворачивается ко мне.

– Мне-то это зачем?

О, так он умеет говорить! Голос у него мягкий и странно глухой, похожий на эхо. Разговаривать он не настроен: он прикрывает глаза и сглатывает так, словно рад был бы вернуть свои слова назад.

– Почему ты прятался от меня вчера?

– А зачем ты хотела меня найти? – спрашивает он.

– Я же сказала. Мальчик пропал.

– Сегодня. Но ты пыталась найти меня вчера. – В глазах у него вспыхивает вызов, но почти сразу искорка гаснет. И он прав, я хотела увидеть его еще вчера, когда с Эдгаром все было в полном порядке. Мне хотелось убедиться, что он реален.

– В деревне Ближней не бывает чужих, – говорю я, как будто этим все объясняется.

– А я не в ней, – он показывает на землю у себя под ногами, и я понимаю. Формально мы находимся за границей деревни, на открытой пустоши. Оттолкнувшись от стены, он выпрямляется в полный рост и глядит на меня сверху вниз.

Он не призрак, не фантом, не тварь с телом вороны и не старик. Он просто мальчишка, такой же реальный и живой, как я. Мои пальцы не прошли сквозь его руку, а его спина довольно громко стукнулась о стену сарая. И все же он не такой, как я. Он не похож ни на кого из тех, кого мне приходилось видеть. И отличается он не только бледной кожей и мрачным видом – у него другой голос, другие повадки.

– Меня зовут Лекси. А тебя?

Но он, кажется, снова онемел.

– Ну и ладно, можешь не отвечать. Но учти, тогда я сама тебя назову.

Незнакомец вздергивает голову, и клянусь, в углах его губ мелькает улыбка, то ли грустная, то ли насмешливая. Но он ничего не отвечает, а улыбка – да и была ли она? – исчезает на бледном лице.

– Не назвать ли тебя Робертом или Натаном? – размышляю я вслух, всматриваясь в его черты. Глаза. Волосы. – Нет, лучше Коул.

– Коул?² – тихо переспрашивает он, наморщив лоб. – Почему?

– Из-за твоих волос и глаз. Ты будто весь в угле. Или в золе.

Он хмурится, опускает глаза.

² Английское имя Коул (Cole) произносится так же, как слово «уголь» (coal).

– Тебе не нравится?

– Нет, – хмуро признает он. – Не нравится.

– Что ж, очень жаль, – весело говорю я. – Но если не скажешь своего имени, я буду звать тебя Коул.

– У меня нет имени, – он вздыхает, наш разговор ему явно в тягость.

– У всех есть имя.

Между нами повисает молчание. Мальчишка смотрит на траву, а я на него. Он нервно ерзает, как будто ему плохо здесь со мной, как будто мой взгляд причиняет боль.

– Что обидно? – вдруг спрашивает он.

– Ты о чем?

– Ты сказала там, у двери, что это обидно. Что ты имела в виду?

Я скрещиваю руки на груди. Ветер усиливается.

– Прийти за тобой в такую даль и не найти. Это было обидно.

– Есть хоть какие-то мысли о том, что с ним случилось? – спрашивает он. – С пропавшим мальчиком?

– Нет. – Я оглядываюсь на дом сестер, надеясь, что *у них* могут быть мысли. – Никто ничего не знает.

Включая меня саму. С утра я ничуть не продвинулась в поисках Эдгара. Не знаю почему, но что-то так и толкало меня прийти сюда, поговорить с этим парнем... которому, похоже, нечего сказать. Оглядываюсь еще раз, последний.

– Лучше тебе было бы прийти в деревню открыто, назвать себя. А теперь ты под подозрением.

– Ты тоже меня подозреваешь?

Ноги у меня прирастают к земле.

– Я тебя не знаю.

И снова я вглядываюсь в него. Что-то далекое и печальное есть в нем, в этом худом мальчике с запавшими глазами, в его выгоревшем дорожном плаще. Я стараюсь не моргать, потому что опасаясь, что, когда открою глаза, его здесь не будет. Выпятив подбородок, он будто старается разобрать чей-то далекий голос. На какой-то миг он кажется мне невыносимо потерянным – а уже в следующее мгновение он поворачивается и уходит прочь, в холмы, стараясь, чтобы как можно больше цветов и трав оказалось между нами.

Поглядывая на солнце в небе, я тяжело тащусь назад, к дому сестер. Я теряю время. Сколько у меня есть до возвращения Отто? Надо было идти со спасательной группой. Но я не могу винить себя за желание поговорить с чужаком. Мне необходимо было увидеть его своими глазами, понять, он ли это сделал, имеет ли к этому отношение.

Я пинаю камень. Теперь у меня еще больше вопросов.

Миную домик сестер и направляюсь к тропе, ведущей домой.

– Лекси, – окликает Магда. Я замечаю, что она стоит на коленях на грязном клочке земли рядом с домиком. Магда называет этот пятачок садом.

– Вы мне соврали, – говорю я, подойдя ближе, – насчет незнакомца. Он здесь.

Магда покачивает головой.

– Мы сказали, что ничего о нем не знаем. И это правда, – Она смотрит вдаль, в сторону болот. Я прослеживаю ее взгляд. Далеко позади дома в холмах, мягкими волнами окружающих дом сестер, бредет тонкая фигурка. На подъеме холма парнишка в сером останавливается, смотрит на север, отвернувшись от Ближней.

Хмурясь, я снова поворачиваюсь к Магде, которая снова склонилась над грядкой.

– Зачем ты меня позвала? – спрашиваю я, ковыряя носком башмака чахлую бесплодную землю.

Магда не отвечает, только еле слышно бормочет что-то, ни к кому не обращаясь, да снует узловатыми пальцами над пустой грядкой. Я приседаю рядом с ней.

– А что ты делаешь, Магда?

– Выращиваю цветы, что же еще, – она показывает на жидковатую грязь, в которой ничего не растет, только торчит стебель-другой засохших сорняков. – Участок немного запущен, только и всего.

В другое время я бы заинтересовалась и захотела задержаться, в надежде подсмотреть что-то из колдовских ухваток Магды. В надежде, что она забудет о моем присутствии и покажет, на что способна. Но сегодня мне не до того.

– Ты уже посеяла семена? – спрашиваю я.

На это она издает сдержанный смешок и снова принимается шептаться с землей.

– Нет, милая. Мне семена не нужны. К тому же цветы, что я ращу, с пустоши. Дикие цветы.

– Не знала, что это можно, на такой почве.

– У тебя, конечно, ничего не выйдет. В том-то и дело. Цветы вольнолюбивы. Они растут, где захотят. Я бы посмотрела, как ты станешь указывать цветку с пустоши, где ему вырасти.

Магда садится, распрямив спину, и растирает руки.

Я смотрю на пустую грядку. Уже больше часа прошло с тех пор, как Отто со своими людьми вышли на поиски, и, видимо впустую. И, насколько я понимаю, сейчас дядя направляется домой. Может, Магде что-то известно. Хоть что-нибудь. Даже если *меня* она попотчует очередной сказочкой.

– Магда, пропал ребенок, Эдгар. Ему пять лет...

– Такой маленький, белобрысенький? Как это случилось? – Магда обращает ко мне здоровый глаз.

– Никто не знает. Прошлой ночью он пропал прямо из своей кровати. Пока не нашли никаких следов.

Лицо Магды слегка меняется, глубже залегают морщины, темнее кажется плохой глаз, а здоровый смотрит в никуда. У меня чувство, что она хотела что-то сказать, но передумала.

– Ты думаешь, его кто-то украл? – спрашиваю я. Магда с мрачным видом кивает.

– Земля похожа на кожу, растет слоями, – изрекает она, подхватив щепоть грязи скрюченными пальцами. – Тот слой, что сверху, шелушится и разрушается. И, рано или поздно, открывается то, что было спрятано в глубине.

Разочарованная, я молча киваю. Магда такая, то и дело болтает какую-то окоlesiцу. У нее-то в голове цепочка мыслей, наверное, ясная и логичная, но жаль, что никто в мире не может этого уловить. Надо было сразу догадаться, что она не сможет – или не захочет – мне помочь.

– Ветер одинок... – прибавляет Магда так тихо, что мне только чудом удастся ее услышать. Эти слова что-то задевают во мне, какое-то воспоминание.

– Что ты... – начинаю я.

– Лекси Харрис, – в дверях домика вырастает Дреска. Она тычет в меня клюкой, так что я поднимаюсь на ноги и иду ей навстречу. Взяв меня за руку, она что-то кладет мне на ладонь, какой-то сверточек, перевязанный бечевой, Он пахнет вереском, пустошами, и дождем, и мокрыми камнями.

– Отдай это своей сестре, – говорит старуха. – Скажи ей, чтобы носила это не снимая. Для защиты.

– Так вы *слышали* про Эдгара.

Дреска кривится и сжимает мои пальцы вокруг амулета.

– Мы сделали такие для всех детей.

– Я ей отдам, – уложив пакетик в карман, я собираюсь уйти.

– Лекси, – это уже Магда говорит. – Я позвала тебя по той же причине, по которой мы пригласили тебя вчера. Из-за него. Мне было интересно, слыхала ли ты пересуды в Ближней о чужаке.

Она указывает грязным, в земле, пальцем на незнакомца в пустоши. Я бросаю последний взгляд на юношу, все еще обращенного к нам спиной. Он скользит по земле, и внезапно мне кажется, что там не человек – просто валун или упавшее дерево, торчащее из жухлой травы.

– Другие тоже станут его искать, – замечает Дреска.

Я понимаю, о чем она.

– Я никому не скажу. Я дочь своего отца.

– На это мы и надеемся.

Уже выйдя на тропинку, я оглядываюсь и добавляю:

– Вы правда ничего о нем не знаете? Откуда он взялся?

– Здесь он в большей безопасности, – шепчет Магда, зачерпывая грязь.

– Он секретничает, – говорю я.

– Как и все мы, – отзывается Дреска сухим смешком. – Ты не думаешь, что Эдгара взяли мы.

Это не вопрос. Но она права.

– Нет! Я не думаю, что это сделали вы! – кричу я с тропы. – Но я собираюсь найти того, кто это сделал.

Глава 6

Домой я добираюсь раньше Отто и несказанно этому рада. Высоко в полуденном небе висит солнце, и отправляться в деревню сейчас рискованно, слишком велик шанс наткнуться на дозорных. Ни Рен, ни мамы не видно, но в доме тепло, от натопленной печи уютно пахнет камнями и хлебом. Только сейчас я понимаю, что голодна как волк. На столе полкраюхи хлеба и большой кусок холодной курицы, оставшиеся от обеда. Я отрезаю по несколько ломтей от того и другого и жадно съедаю, наслаждаясь свободой и одиночеством, тем, что могу просто есть, не следя за манерами.

Чувствуя себя гораздо лучше, я скрываюсь в своей комнате, сбрасываю башмаки и приглаживаю волосы. Потом начинаю расхаживать перед кроватью, пытаюсь осмыслить все, что было днем. Отец учил меня слушать свой внутренний голос, а внутренний голос говорит, что этот странный, опустошенный парень не уводил Эдгара. Но это еще не значит, что я доверяю ему во всем. Пока не доверяю. Пока я его *не понимаю*. И мне совсем не нравится стеснение в груди, когда я смотрю на него – как тогда, когда я встречаю диких зверей в лесу.

Что-то еще не отпускает меня, и я вспоминаю шепот Магды: *«Ветер одинок»*.

Мне знакома эта строчка.

Я подхожу к столику у окна, тому, со свечами и книгами. Пальцы сами находят одну, в середине стопки. На зеленой обложке отметины, вроде тех, что пальцы оставили на ноже и топоре. Но эти – от моих пальцев, это мои метки от частого пользования.

Потрепанная книга пахнет – это густой, землистый запах, словно в обложке не страницы, а кусочек пустоши. Каждый раз, когда папа рассказывал мне какую-то историю, я просила записать ее сюда. Книга странно тяжелая, как камень. Я ложусь с ней на кровать, провожу пальцами по мягкой обложке, а потом открываю и перелистываю страницы. Три года назад почерк отца перестал появляться на них, и его сменил мой.

Осталось еще много чистых, незаполненных листов. Время от времени я пыталась вспоминать крупницы, которые отец мог забыть вписать сюда. Я могла гулять, или разносить хлеб, или колоть дрова, и вдруг в памяти возникала фраза, я слышала его глубокий голос и пулей неслась домой, чтобы записать ее.

Ветер одинок.

Мне знакома эта фраза.

Я нахожу запись, сделанную несколько месяцев назад, когда моя рука уже заменила его почерк:

Облака в небе над пустошами кажутся такими общительными. Отец говорил, что они – самое духовное, что есть на пустошах, что каждый день они отправляются в паломничество, выступают в путь на рассвете и собираются вместе на молитву. Дождь, шутил он...

Запись обрывается. Кое-где страница сморщена, усеяна маленькими мокрыми кругами.

Я листаю страницы назад, ищу более раннюю запись, сделанную еще им самим. Большой палец цепляет уголок страницы в самом начале, и я открываю ее.

Конечно же. Это из истории, которую я вспоминала прошлой ночью.

Если ветер с болот начнет петь, ты его не должна слушать, по крайней мере, не во все уши. Только исподтишка. Знаешь, как смотрят искоса, краем глаза. Ветер одинок, детка, и вечно ищет себе компанию.

Я вожу по странице пальцами. Почему это Магда процитировала слова отца?

А потом я вижу это. Внизу страницы почерком отца мелко написано: *М. Т.*

Магда Торн. Эта история не папина, он только повторил ее. Но что это означало теперь, когда прозвучало на огороде, из уст самой Магды?

Со скрипом открывается входная дверь, и я, вздрогнув, захлопываю книгу. Сколько же я просидела вот так, мечтая о старых сказках на ночь? Из коридора слышен звук маленьких ног Рен, ее легкие, вприпрыжку шаги по половицам. Маму я не слышу, но они наверняка пришли вместе. С усилием поднявшись с кровати, я, прижимая книгу к груди, выхожу на кухню.

Рен сидит за столом, болтая ногами, и играет с одной из своих выпеченных фигурок.

Я стою в обнимку с книгой, прислонясь к дверному косяку, а мама бродит бесшумно, как привидение, ставит на место пустую корзину, снимает передник – все без единого звука. Рен улыбается мне и пальчиком манит меня к себе, а когда я подхожу ближе, шепчет на ухо, сложив ладошки ковшиком.

– Ты ходила к сестрам?

Наклонившись, я целую ее в макушку и отвечаю тоже шепотом.

– Ходила. Я тебе потом все расскажу.

Она радостно подскакивает.

– Рен. – Мать не поднимает глаз, но голос ее летит через всю комнату. – Принесешь мне пучок базилика со своего огорода?

Рен срывается с места и выскакивает. Хлопает входная дверь. Я ожидаю, что мать заговорит со мной, спросит, где я была, но она не произносит ни слова.

– Я ходила к сестрам, – объявляю я. – Они ничего не знали про Эдгара.

Мама отводит взгляд. Почему она молчит?

– А еще я видела чужого. Я говорила с ним, и мне показалось, что он не виноват. У него такой странный...

– Ты не должна была уходить, Лекси.

– Ты меня не остановила.

– Твой дядя...

– Он мне не отец. И не мать.

Она откладывает полотенце, обходит вокруг стола.

– Отто только старается защитить тебя.

– А ты? – Я крепче сжимаю книгу. – Ты могла бы меня остановить.

– Ты бы меня не послушала, – отвечает мама.

– А ты бы попыталась... – завожу я, но смолкаю, потому что на спину ложатся мамины пальцы, призрачно-белые от муки. Это очень легкое прикосновение – не ласковое, но слабое, воздушное. В первый момент мне почему-то вспоминается незнакомец. А потом в ее пальцах появляется сила, а ее глаза смотрят в мои, и в них что-то вспыхивает, неистовая, жаркая искра.

– Я *и так* пытаюсь, Лекси, – шепчет мама, – пытаюсь помочь тебе.

Внезапное возвращение той, которая была прежде моей мамой, застало меня врасплох. Но это только мгновение, а потом она исчезает, ее пальцы невесомо скользят прочь. Я хочу заговорить, но не успеваю открыть рот, как откуда-то с улицы доносится другой голос. К нему присоединяется еще один. И еще.

Момент упущен. Мама снова у стола, взялась за тесто, и вид у нее отсутствующий.

– Я его не видела, – торопливо говорю я, слыша, что мужчины приближаются. – И вообще никуда не ходила.

Я жду, что мама поднимет глаза и улыбнется или ободряюще кивнет, но нет – не могу даже понять, слышит ли она меня.

Вздыхнув, я, с книгой под мышкой, выхожу на крыльцо. Низкие голоса доносятся с запада, они погромыхивают, как гром, со стороны скрытой за холмом деревни. Я стою в дверях, дрожа от ветра.

Что имела в виду мама?

Я несколько раз глубоко вдыхаю, пытаюсь избавиться от неведомо как появившихся камней, сдавливающих горло.

Книга в моих руках сама открывается на записи с именем Магды, и тут, как тени, отбрасываемые заходящим солнцем, появляются члены дозорного отряда. С вытянутыми утомленными лицами, брови у всех нахмурены, плечи согнуты. Надежды найти Эдгара, по крайней мере найти его живым, должно быть, угасают вместе со светом дня. Я отрываюсь от книги и вскидываю на них глаза – послушная, терпеливая.

Пальцем вожу по словам «*Ветер одинок*».

У дома Отто мужчины задерживаются, негромко переговариваются. Потом их отряд рассыпается, разлетается в разные стороны, точно семена от порыва ветра.

Я успеваю посторониться, и Отто, бухая сапогами, входит в дом, избегая моего взгляда. А за ним чуть поодаль шагает высокий парень, в тусклом вечернем свете светится шапка грязноватых светлых волос. Тайлер Уорд. Увидев меня, он замедляет шаг, на губах играет улыбка, даже сейчас. Он пытается – безуспешно – напустить на себя подобающую случаю солидность. Подскочив к двери, где я стою, Тайлер берет меня за руку и сплетает пальцы с моими.

– Красивый закат, – замечает он, изо всех сил стараясь выглядеть грустным и расстроенным. Это почти смешно.

– Неудачно? – спрашиваю я, отнимая руку.

Он мотает головой, и я не могу в это поверить, но его жест кажется почти презрительным. Прикусив язык, я улыбаюсь, изображаю спокойствие.

– Где же вы искали?

– А что? – Из-под густых волос в меня выстреливает взгляд голубых глаз.

– Да что с тобой такое, Тайлер, – говорю я. – Ты вроде всегда жаловался, что тебе скучно и не хватает приключений. Так расскажи, удиви меня. Что ты делал сегодня? Куда вы ходили?

– Отто говорил, что ты будешь выспрашивать. Сказал, что ты собралась сама искать. Это дело небезопасное, Лекси, – хмурится он. – А мне не хочется тобой рисковать, не хочу, чтоб ты пострадала. – Он переводит взгляд с моих рук на маленькую зарубку на дверном косяке, след от топора, задумчиво водит по ней пальцем. – Уж лучше я сам это сделаю, вместо тебя.

– Я не хочу ждать. – Я убираю его руку с косяка. – И не такая уж я беспомощная.

Тайлер молчит, впав в странную задумчивость. Я подхожу к нему совсем близко, глажу по щеке, поднимаю повыше его опущенную голову.

– Деревенская площадь? Дом Дрейков? Поле, на котором мы любили играть – заросшее вереском?

Тайлер выдавливает унылую усмешку.

– А что мне за это будет?

– Все очень серьезно, – говорю я. – Уже почти стемнело, а Эдгара так и не нашли.

Он отворачивается и, хмурясь, приваливается к двери. Мрачное выражение кажется чужим на его лице, так привычном к улыбкам.

– Знаю, Лекси. Извини.

– Ты заглядывал к Елене? Как она?

Отвернувшись, он задумчиво закидывает руки за голову и сцепляет пальцы на затылке.

У меня вырывается вздох отчаяния. Дверной проем слишком узок для нас двоих, и я выхожу во двор. Тайлер трусит за мной.

– Я расскажу, если ты ответишь мне на один вопрос.

Тогда я останавливаюсь, но не поворачиваюсь к нему. Прижимая к груди книгу, я жду, пока он со мной поравняется. Поднимается ветер, холодный воздух щиплет лицо. Дневной свет меркнет, а у ночного мира цвет, как у кровоподтека. Тайлер стоит прямо у меня за спиной. Я так и чувствую, что он нерешительно протянул руку, не зная, коснуться меня или нет.

– Почему ты так со мной? – раздается его голос, совсем тихий, чтобы слышать могла только я.

– Да как? Все как обычно, Тайлер, – но я знаю, что это неправда. И он это знает.

– Лекси, – его голос звучит странно, почти умоляюще, – ты же знаешь, чего я хочу. Почему же ты даже не...

– Почему я не дам тебе того, что ты хочешь, Тайлер? – перебиваю я, резко развернувшись к нему. – Ты меня об этом спрашиваешь?

– Лекси, я хочу справедливости. Дай мне шанс. – Он робко убирает прядь темных волос с моего лица. – Скажи, чего ты боишься. Объясни, почему ты всю жизнь со мной дружила, а теперь отказываешься от...

– Именно *потому*, что ты мой друг, – отрезаю я. Но это не вся правда. *Потому что я любила маленького мальчика, которым ты был, а теперь ты растешь и превращаешься в кого-то совсем другого.*

– Но я как был твоим другом, Лекси, так всегда и буду. Это никогда не изменится. Почему между нами не может быть чего-то большего?

Я перевожу дух. По бурьяну проходят волны, они катятся от нас в сторону Ближней.

– Помнишь, – мне приходится перекрикивать ветер, – как мы были маленькими и играли в эти игры, в хороводы?

– Конечно, как не помнить. Я всегда побеждал.

– Ты всегда *отпускал руки*. Ты отпускал их, когда думал, что это будет смешно, и круг распадался, и все падали, кроме тебя.

– Это же была всего-навсего детская забава.

– А для тебя все забава, Тайлер, – вздыхаю я. – Вообще все. Только теперь дело уже не в разбитых коленках. Ты просто хочешь побеждать.

– Я хочу быть с тобой.

– Так и будь со мной, как друг, – отвечаю я. – И помоги мне найти Эдгара.

Тайлер оглядывается на дом, на силуэт моего дяди в окне – Отто моет руки. Когда Тайлер вновь поворачивается ко мне, у него на лице опять улыбка – бледная тень его обычной, от уха до уха, улыбки.

– Никогда ты не найдешь такого, чтобы был для тебя достаточно хорош, Лекси Харрис. Улыбаюсь ему в ответ.

– А может быть, когда-нибудь...

– Месяц засияет... – говорит он.

– В небесах, зеленых, как трава, – заканчиваю я. Так часто говаривал мой отец. И Тайлер тогда постоянно твердил эти строчки. И на миг мы снова превращаемся в двух детей, что водили хоровод на поле или гуляли по вересковому полю и хохотали так, что больно щекам.

Внезапно ветер становится резче. Вспыхивает и исчезает последний луч света, на смену приходит глубокая темная синь. Я дрожу от холода, и Тайлер начинает стаскивать с себя куртку, но я отрицательно качаю головой. Он замирает, не зная, как поступить, и, наконец, сняв куртку, перебрасывает ее через руку – пусть нам обоим будет одинаково холодно.

– Теперь твоя очередь рассказывать, – говорю я, стараясь не стучать зубами.

– Рассказывать я люблю, – откликается Тайлер, – но Отто же мне голову оторвет, если я тебе расскажу, Лекси.

– Когда это тебя останавливало?

Согнав с лица улыбку, Тайлер снова надевает куртку, расправляет плечи и задирает голову, став почти один в один похож на моего дядю.

– Мы пошли вместе с отцом Эдгара, мистером Дрейком, к ним домой. Спальня Эдгара в полном порядке, ничего в ней не тронуто. Окно было открыто, а больше ничего такого. Как

будто он просто проснулся и ушел. Выбрался в окно, – мне снова вспоминается Рен, как она, сонная, стояла у кона, пытаясь сдвинуть с места створку.

– Его мать сказала, что сама укладывала его в постель. Говорит, не слышала ничего необычного.

– Эдгар боится всего на свете. Он бы сам не ушел просто так.

Тайлер пожимает плечами.

– Мы знаем только, что борьбы не было, а окно осталось открытым. Оттуда мы пошли на запад, в поля у них за домом, до самой границы деревни.

Стало быть, они все же послушали моего совета.

– Мы везде смотрели, Лекси.

Везде в Ближней, думаю я.

Тайлер снова вздыхает, и я невольно думаю, что он почти красив без этой своей вечной самодовольной ухмылочки.

– Везде. Нигде нет ни единого следа. Как такое могло случиться? – Он кусает губу и пинает подвернувшийся под ногу камень. – Я хочу сказать, все оставляет следы, разве нет? – Он качает головой, выпрямляется. – Отто считает, это чужак. Он дело говорит, если подумать как следует.

– У вас есть какие-то улики? – спрашиваю я, следя за тем, чтобы голос звучал безразлично. – А где он, вы знаете?

Тайлер кивает.

– Есть одна хорошая мысль. Не так уж много у нас в Ближней мест, где может спрятаться человек, Лекси. Если он все еще здесь.

Надеюсь, что здесь, – вдруг мелькает у меня мысль, и я благодарна темноте, которая все сгущается.

– Что теперь собираетесь делать? – спрашиваю я.

– Лекси! – раздается грубый голос из дома. Отто ждет в дверях, свет из дома окаймляет его ярким ореолом. Тайлер машет ему рукой, потом легонько подталкивает меня к дому. Отто скрывается внутри.

– Теперь, – тихонько говорит Тайлер, – мы заставим колдуний отдать нам чужака.

При слове *колдуний* он морщит нос.

– Если, конечно, он еще в деревне, – замечаю я, когда мы подходим к дому. – И если, конечно, он у сестер, и если Дреска не заколдует тебя за то, что корчишь рожи. Многовато *если*, Тайлер.

Он дергает плечом.

– Может, нам повезет.

– Вам нужно гораздо больше, чем просто везение.

Он склоняет голову на плечо, и светлые волосы падают на глаза.

– Тогда, может, поцелуемся, – и он наклоняется ко мне с вечной улыбкой, – чтобы все получилось?

Я улыбаюсь ему в ответ и привстаю на цыпочки. А потом делаю шаг назад и закрываю дверь у Тайлера перед носом.

Мне кажется даже, что я слышу, как он целует дверь с другой стороны.

– Спокойной ночи, жестокая девчонка! – кричит он за дверью.

– Спокойной ночи, глупый мальчишка! – кричу я в ответ, не отходя от двери, пока его шаги не стихают окончательно.

Глава 7

Рен в ночной рубашонке носится коридору, затеяв игру с деревянными половицами. Ее босые ноги шлепают по полу легко, как капли дождя по камням. Рен знает тысячу игр, чтобы занять себя до того, когда будет пора есть или спать. До того времени, когда кто-нибудь обратит на нее внимание. У одних игр есть слова и правила, у других нет. *Топ, топ, топ* по деревянному полу.

В нашем доме у каждой половицы свой голос, и Рен извлекает что-то вроде музыки, прыгая на разные доски. Она даже научилась выстукивать Ведмину считалку, хотя получается немного неуклюже. Когда я вхожу, она как раз выстукивает последние строчки. Я оказываюсь у нее на пути, но Рен только смеется и в два прыжка огибает меня, не сбившись и не пропустив ни одной ноты.

В спальне я ставлю папину книгу на место рядом с тремя свечами. За окном тьма – тяжелая, усталая, густая.

В голове крутятся слова Тайлера: *«Все оставляют следы»*.

Взяв из ящика голубой фартук, я надеваю его, обвязываю тесемки вокруг пояса и иду на кухню. За столом сидит Отто с желтыми повязками на обеих руках и тихо разговаривает с мамой. Обычно взрослые так понижают голос, когда не хотят, чтобы дети услышали, но получается довольно громко, так что любое детское ухо без труда разберет. Мать смахивает со стола крошки и муку, молча кивает. Я успеваю уловить слово «сестры», но тут Отто замечает меня и резко меняет тему и тон.

– Ну что, наговорились с Тайлером? – спрашивает он чересчур заинтересованно.

– Да, – отвечаю я.

– Ну, Лекси, как день прошел? – я чувствую на себе его взгляд, а в голосе определенно слышится вызов. Я сглатываю и готовлюсь соврать, как вдруг...

– Она разносила со мной хлеб, – с отсутствующим видом бросает моя мать, – Ребенок пропал, но людям все равно нужно что-то есть.

Я прикусываю щеку изнутри, чтобы не показать, как потрясла меня мамина ложь. Перед глазами проносятся, как они с Рен вдвоем бредут к дому с пустой корзиной, вспоминается неожиданная твердость в ее глазах, когда она сказала, что пытается мне помочь.

Кивнув, я отрезаю себе горбушку и сажусь к столу, на котором лежит сыр. Дядя хмыкает, но не произносит ни слова. Мама заворачивает в тряпицу несколько оставшихся буханок хлеба и снимает передник. Она всегда снимает его только в самом конце дня, когда со стряпней покончено.

– А вы, дядя? – интересуюсь я. – Нашли какие-то следы Эдгара?

Дядины брови завязываются узлом на переносице, он шумно отхлебывает кофе.

– Сегодня не нашли, нет, – говорит он в кружку. – Завтра снова пойдем.

– Может, завтра и я смогу помочь?

Отто колеблется.

– Посмотрим, – отвечает он наконец.

Это почти наверняка означает отказ, но он слишком устал, чтобы спорить. Он с усилием встает, так что стул с грохотом отъезжает назад.

– Я иду в первом дозоре.

– Дозор?

– Мы подняли всех мужчин деревни, так, на всякий случай. – Он хлопает ладонью по желтым повязкам. – Метка для моих людей. Чтобы не попасть в своего. Я отдал всем приказ стрелять на месте.

Отлично.

Дядя прощается и уходит. Я устраиваюсь в освободившемся кресле, пытаюсь вспомнить, найдется ли у меня хоть что-нибудь желтое.

Из коридора доносится шум: это Рен все еще продолжает играть. Мама смотрит мне в глаза, но ничего не говорит, а мне интересно, догадалась ли она, что я собираюсь сделать. Зевнув, она целует меня – губы едва касаются моего лба – и отправляется укладывать Рен. Топот в прихожей затихает: сестренку уводят спать.

Сидя на кухне и дожидаясь, пока остынут камни очага, я размышляю о том, что мать целыми днями до изнеможения печет хлеб и к ночи валится с ног от усталости – чтобы не лежать в кровати без сна и не вспоминать. Бывало, папа садился рядом с ней и до зари рассказывал свои истории, потому что знал: она любит звук его голоса, окутывающего ее, как сон.

Я сижу, пока темный дом не затихает, пока тишина не становится такой тяжелой, как будто весь мир затаил дыхание. Только тогда я поднимаюсь и тихо иду в свою комнату.

На полке уже ровно горят свечи, отбрасывая пляшущие тени на потолок. Я сажусь на застеленную постель, дожидаясь, пока Рен не начнет дышать ровно и глубоко.

В гнезде из одеяла она кажется совсем крохотной. У меня ком в горле при мысли об Эдгаре. Я представляю, как он неловко вылезает из окна и скрывается на вересковой пустоши. Вздвогнув, я сжимаю кулаки. И вот тут вдруг вспоминаю. Ладонь у меня до сих пор слабо пахнет мокрыми камнями, травами и землей после того, как Дреска вложила в нее амулет и сомкнула на нем мои пальцы. Как я могла забыть? Я роюсь в карманах и с облегчением выдыхаю, нащупав мешочек. Вынимаю его и взвешиваю на руке. Странное ощущение: он разом и тяжелый, и невесомо легкий. Горстка травы, грязи и камушков. Что за сила заключена в нем? Я подавляю зевотку и привязываю амулет сестренке на запястье. Она ерзает под моими руками, открывает сонные глаза.

– Что это? – бормочет Рен, увидев мешочек.

– Это подарок тебе от сестриц, – отвечаю я.

– А что он делает? – интересуется Рен, садясь на кровати. Она обнюхивает мешочек. – Чувствуешь, пахнет вереском, – и она тычет его мне в нос. – И грязью. Там внутри не должно быть грязи.

– Это просто оберег. – Я касаюсь его кончиками пальцев. – Прости, что разбудила. Я забыла и не отдала его тебе раньше. А теперь, – я приподнимаю одеяло, – ложись-ка и засыпай снова.

Кивнув, Рен тут же падает на подушку. Подоткнув со всех сторон ее одеяло, я смотрю, как она устраивает из него уютный шар.

Сидя на краю кровати, я дожидаясь, пока Рен не начнет сопеть глубоко и равномерно. Скоро сон окутывает ее, пальцы сжимают оберег.

А мне пора за работу.

Я перебираю вещи в ящиках и нахожу, наконец, светло-желтый шарф – его подарила мне Елена года два назад. Я целую его, мысленно благодарю подругу, которая так любит вязать, и обвязываю шарфом руку.

Потом я беру нож отца и свою зеленую накидку, плавно открываю окно, замирая на месте от его скрипа. Рен спит, не шелохнется. Выбравшись, я спрыгиваю на землю, закрываю створку и ставни.

В доме Отто горит свет, а сам он, видимо, решил не ходить в дозор, потому что через окно я вижу его фигуру, склонившуюся над столом. Рядом сидит Бо, прядь волос у него свесилась на лоб. Вид у обоих мрачный, оба пьют из кружек, а в промежутках между глотками перебираются скупыми словами. У дяди Отто такой голосина, что ему не преграда ни дерево, ни стекло, ни камень, и я подкрадываюсь поближе, чтобы послушать.

– Как будто улетел, прямо из кровати, был – и нет, – Отто взмахивает рукой, – испарился.

Но ведь так не может быть. Я убеждена, следы наверняка есть, пусть и едва заметные. Знает ли Отто, где и что искать? Взрослые мужчины частенько ведут себя, как маленькие мальчишки, неужели и рассуждают они, как несмышленные дети?

– Странно, странно, – вторит Бо. – И что ты об этом думаешь?

– Думаю, что лучше бы нам найти мальчишку, да поскорее.

– Как мы заставим его появиться из ниоткуда? – Бо пожимает плечами.

– Я должен, – Отто надолго припадает к кружке. – Такая у меня работа.

Они надолго погружаются в молчание, глядя каждый в свою кружку, и я отхожу. Набросив на плечи темно-зеленую накидку, я предоставляю мужчинам пить дальше, а сама поворачиваю к деревне. Дом Эдгара на западе, рядом еще с тремя-четырьмя, между этой группой домов и другими – разделяющая их тонкая каемка поля. Если можно найти хоть какой-то ключ к разгадке, хоть какую-то зацепку, позволяющую понять, кто забрал Эдгара, куда и как, я эту зацепку найду.

Я шагаю, и ветер ласково подталкивает меня в спину.

В лунном свете пустошь кажется призрачной. Над травой плавают тонкие пряди тумана, на холмы медленными волнами набегают ветер. Я вижу по другую сторону поля первую группу домов и размышляю о том, удосужился ли вообще дядин отряд поискать следы маленького мальчика. Они не так глубоки, как следы оленьих копыт. Но должно же было остаться что-то, какой-то след жизни, движения. Земля под окном обязательно должна быть примята и дать указания на то, в какую сторону ушел Эдгар. *Все оставляет следы.*

На самом деле это меня и тревожит. Все оставляет следы, а тем более компания дюжих мужиков, что топтались вокруг дома, уничтожая все своими сапожищами. Сомневаюсь, что я смогу найти что-то в темноте, без дневного света, но тащить сюда с собой лампу или свечу слишком рискованно, особенно учитывая, что где-то бродит ночной дозор. Лучше мне не попадаться на глаза людям Отто. Даже если не подстрелят, моему частному расследованию придет конец, и я, скорее всего, надолго окажусь под домашним арестом. *Ради моего же блага, для моей же безопасности,* – презрительно усмехаюсь я. Что-то не очень дом помог защитить Эдгара, взятого спящим прямо из кровати.

Нет, сегодня ночью темнота будет моей союзницей. Мой отец любил повторять, что ночь может поделиться своими секретами не хуже, чем день, – и мне очень хочется, чтобы это оказалось правдой.

Я пробираюсь по тропе, извилистой, как вена, бегущая к сердцу деревни, и стараюсь не поскользнуться и не споткнуться о камень.

Над головой пролетает ворона, как клякса на ночном небе. Дома все ближе, они разделены палисадниками. Теперь я иду медленнее, широким шагом, прилагая все старания, чтобы шуметь не громче ветра вокруг меня. Слышится чей-то кашель, и через мгновение от одного из домов отделяется человек, тень в тусклом свете из окна. Я замираю посреди тропки, прижимаю полы накидки, чтобы не развевались по ветру. Человек останавливается у дома, закуривает трубку, на сгибе локтя у него ружье, на рукаве желтая повязка. Я вспоминаю дядины слова. *Стрелять на месте.* Мне становится не по себе. Из дома окликает другой голос, и мужчина оглядывается. В этот момент я сбегая с тропинки, в темноту между двумя домами. Прижимаюсь спиной к стене, вплотную к поленнице. Отсюда мне хорошо виден четвертый дом, самый дальний, самый западный. Дом Эдгара.

В нем тоже горит свет, но в глубине, так что окна совсем тусклые. Я подхожу и опускаюсь на колени поочередно перед каждым, пробегаю по земле пальцами и глазами, ищу вмятины, любые следы от руки или ноги. Подхожу к окну Елены (я так завидовала тому, что у нее есть своя комната... сейчас об этом даже вспоминать невозможно) и медлю, не решаясь постучать в стекло. Пожалуй, это не слишком хорошая затея – ведь только накануне из этого дома пропал ребенок. Так что я просто провожу пальцами по раме, надеясь что моя подруга крепко спит там,

в комнате, а сама подхожу к последнему окну. За ним, знаю, и спал Эдгар. Оно, как говорят, было распахнуто. Я сажусь на корточки, щурясь в слабом свете.

Все так, как я и думала. На земле сплошная паутина следов: мужские сапоги, башмаки, туфли, шаркающие шаги стариков и уверенные – молодых. Поле битвы, а не земля. До сих пор еще мокрая после дождя, она несет на себе множество следов, но ни одного маленького или детского.

Выпрямляясь, я еле сдерживаюсь от досады и разочарования. *Думай, думай*. Может, чуть подальше это стадо разойдется в стороны, и я замечу-таки следы ног поменьше.

Я прислоняюсь спиной к стене рядом с оконной рамой, прижимаюсь к ней затылком и гляжу вперед, как бы из окна. Передо мной лежит поле, полоска травы, вереска и камней между этой горсткой домов и соседней – те, дальние дома кажутся отсюда похожими на яйца. На поле льется серебристый лунный свет, и я иду к нему, медленно, шаря глазами, осматривая все от высокой травы, что щекочет мне ноги, до холмов далеко впереди. Ветер все крепчает, заставляя травы шелестеть и раскачиваться.

У меня за спиной кто-то вздыхает.

От неожиданности я подскакиваю, стремительно разворачиваюсь, но там никого. До следующей группы домов идти еще столько же, по полной темноте, если не считать одного-двух неярких огоньков. Возможно, это был ветер – хотя сейчас он дует сильно, а тот звук был совсем тихим. Я решаюсь идти дальше, но тут же слышу это снова. Тут кто-то есть, рядом, совсем-совсем близко.

До рези напрягаю глаза в попытке различить что-нибудь в полной тьме у домов из тесаного камня, под соломенными крышами, куда никак не может попасть лунный свет. Жду, не двигаясь, затаив дыхание. И тогда я вижу это. Что-то проскальзывает через щель между домами, лишь на миг оказавшись в луче лунного света. Призрачная фигура исчезает в мгновение ока, скрывается за углом.

Со всех ног я несусь туда, за ней, то и дело оступаясь и не заботясь о том, чтобы как можно меньше шуметь на бегу. Мне так и слышится недовольный голос отца, когда под ногами с хрустом ломаются ветки, а башмаки стучат о камни – но я уже совсем близко! На полном ходу влетаю в проулок между домами и успеваю заметить впереди фигуру, как раз перед тем, как она свернет за угол. Задержавшись, фигура поворачивается, будто заметив меня, а затем кидается между домами, на север, к тени от холма, огромной и черной. Я понимаю, что вот-вот странная фигура исчезнет, тень сольется с тенью.

Бегу, не сводя с нее глаз, точно это может помешать ей стать частью ночи.

Она уже почти там. У меня жжет в груди. Фигура с пугающей быстротой несется по неровной земле. На что я быстро бегаю, но угнаться за ней не могу. В ушах свистит ветер. Фигура достигает подножия холма и скрывается из виду.

Я ее потеряла, кем бы она ни была.

Перехожу на шаг, но спотыкаюсь о незамеченный камень и кубарем лечу куда-то в темноту, к подножию холма. Фигура тоже где-то здесь, так близко, что мне кажется – если махну, вставая, рукой, то могу ее задеть. Но ни на что, кроме острых камней, мои пальцы не натыкаются. Ветер стучит в ушах наперегонки с ударами сердца.

И вдруг набегают тучи. Они молча скользят по небу, проглатывают луну и, словно свечу задули, погружают мир во мрак.

Глава 8

Весь мир исчезает.

Я неподвижно замираю, чтобы ненароком еще раз не налететь на камень, дерево или что-нибудь похуже. Пальцы все еще сжимают камень. Я судорожно перевожу дыхание и дожидаясь, когда облака поплывут дальше своей дорогой, ведь ветер нанес их сюда так стремительно. Но облака не трогаются с места. Ветер достаточно силен, он свистит и завывает, а тучи словно застыли, закрывая собой луну. Я жду, пока глаза привыкнут к темноте, но ничего не получается. Темно, хоть глаз выколи.

У меня все еще лихорадочно стучит сердце, и это не только из-за охотничьего азарта. Тут что-то совсем другое: чувство, которого я давно не испытывала.

Страх.

Страх от того, что я осознаю: домов отсюда не видно. Отсюда ничего не видно. И все-таки, несмотря на этот мрак, я ощущаю чье-то присутствие. Рядом со мной есть кто-то.

Ветер меняется. Из обычного легкого бриза он превращается во что-то иное, странно знакомое. Слов нет, только напев – выше, ниже, как музыка, и на мгновение мне кажется, что я дома, в кровати, под одеялом. Что я сплю. Но это не так. От странного напева у меня начинает кружиться голова, и я пробую отгородиться от него, не слушать... но мир погружен в непроницаемую тьму, и мне не на чем сосредоточиться. Музыка, кажется, звучит все яснее, яснее, и в какой-то момент я точно понимаю, откуда она исходит. Отбросив камень, я поворачиваюсь и делаю несколько неуверенных шагов в сторону от холма, к тому месту, где маячила фигура, где я и сейчас еще могу ее видеть.

Пальцы нащупывают отцовский нож, я вытягиваю его из ножен на бедре и, придерживая, двигаюсь вперед, как слепая, понимая только, что склон остался у меня за спиной. Помню, что, пока все не потемнело, я успела наткнуться на несколько больших камней и на дерево, поэтому шагаю неуверенно, чтобы не удариться о какой-нибудь острый край. Ветер продолжает напевать, мотив все повторяется – выше, ниже, – и я могу поклясться чем угодно, что знаю эту песню. А когда понимаю, где я ее слышала, у меня кровь стынет в жилах.

На пустоши ветер, поет он песню мне,
О камнях, о вереске, о море вдалеке.

Ветер и его песня окутывают меня, мелодия повышается и понижается, звучит в ушах все громче, и вдруг земля уходит у меня из-под ног. Чтобы не упасть, мне приходится остановиться. По спине у меня бегут мурашки, и я зажимаю себе рот, чтобы не закричать.

Не спеши, наберись терпения, Лекси, – предостерегает меня голос отца.

Я стараюсь успокоиться, умерить пульс, который стучит в ушах так, что я за ним ничего больше не слышу. Сдерживая дыхание, я жду, чтобы песня ветра окружила меня толстым слоем, одеялом из шума. Жду, когда мое сердце сделается частью этого шума, а не оглушительным барабанным боем у меня в ушах. Как только мои нервы начинают успокаиваться, я слышу в нескольких футах от себя новый звук, он доносится от подножия холма. Это шаги: кто-то тяжело идет по траве вниз.

Я успеваю развернуться на этот звук как раз когда облака расступаются и несколько лучей лунного света падают на землю – после крошечной мглы они кажутся ослепительно яркими. Свет поблескивает на лезвии моего ножа, на камнях, на темной фигуре. И наконец я ясно вижу силуэт мужчины. Я бросаюсь на него и толкаю, опрокидывая на склон. Свободной рукой бью его в плечо, а коленом в грудь.

Свет обрисовывает его шею, скулы, в точности так, как в первый раз, когда я увидела его в окно. Я гляжу в те же темные глаза, которые упорно не хотели встречаться с моими на холме у дома сестричек.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я, приставив к его горлу охотничий нож. Сердце у меня колотится, я с силой сжимаю рукоять, но он даже не вздрагивает и не издает не звука, а просто моргает.

Медленно я убираю нож, но коленом продолжаю прижимать его к траве.

– Почему ты здесь? – снова задаю я вопрос, отгоняя досаду, возникшую разом и от того, что он следил за мной, и от того, как я радуюсь, что это оказался он. Он смотрит на меня оценивающе своими черными, как ночь вокруг нас, глазами, и ничего не говорит.

– Отвечай, Коул, – я предупреждающе поднимаю нож. Он отворачивается, сжав зубы.

– Здесь небезопасно. Особенно ночью, – отвечает он наконец. Голос у него четкий и в то же время мягкий, он странным образом заглушает ветер, скорее звуча с ним вместе, чем противореча. – И зовут меня не Коул.

– Так ты меня провожал? – Я отодвигаюсь от него, стараясь не дать ему заметить, что вся дрожу.

– Увидел тебя здесь одну, – неуловимым изящным движением он поднимается на ноги. Серый плащ колышется у него на плечах. – Хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.